

Овернский клирик

Автор:

Андрей Валентинов

Овернский клирик

Андрей Валентинов

Бывшему крестоносцу, а ныне скромному монаху из знаменитого аббатства Сен-Дени, отцу Гильому де Ту, менее всего хочется заниматься расследованием странного происшествия, связанного с пропажей рыжей девушки в маленьком городке недалеко от Тулузы. Тем более в это дело оказываются замешаны местные власти, косматые демоны, катары, благородные разбойники и Римская Курия. К тому же пропавшая девушка вскоре вернулась, правда, не одна, а... целых две. Есть ли среди них настоящая?

Действие историко-детективной фантазии Андрея Валентинова происходит во Франции XII века накануне второго крестового похода. Овернский клирик пытается сделать все, чтобы не запылали костры Инквизиции.

Андрей Валентинов

Овернский клирик

Авентюра первая

О том, чем кончилась рыбная ловля в Нотр-Дам-де-Шан

Крючок не выдержал. Карп – здоровенный, не менее двух фунтов весом – сорвался и, победно блеснув серебристой чешуей, плюхнулся в воду. Пьер охнул и застыл, сжимая в кулаке бесполезную удочку. В довершение всего рыба, прежде чем бесследно сгинуть в темной воде, на мгновение выглянула и, как мне показалось, бросила на неудачливого рыбака полный ехидства взгляд. Этого Пьер, и без того сраженный случившимся, уже не выдержал:

– У, дьявол! Ах, чтоб его!.. Кровь Христова, вернусь в Сен-Дени, я этому отцу Иегудиилу ноги вырву! Говорил я ему – железо хреновое, а он...

Отец Иегудиил – наш монастырский кузнец – действительно в последнее время стал портачить, но это обстоятельство никак не оправдывало ни содержания, ни формы сказанного.

– Брат Петр, – негромко позвал я, чувствуя, что Пьер готов отмочить следующий пассаж по поводу карпа, удочки, крючка и отца Иегудиила. – Брат Петр...

Пьер в сердцах швырнул удочку оземь, выбрал побольше воздуха, раскрыл рот, и тут до него наконец начало доходить. Я мельком оглянулся – брат Ансельм стоял с невозмутимым видом, но в глазах его определенно бегали чертики. Впрочем, с первого взгляда и не заметишь – держать себя этот мальчик умеет.

– От-тец Гильом... – запинаясь, начал Пьер. – Я... ну...

– По-латыни, пожалуйста, – все с тем же спокойствием попросил я, чем вверх Пьера в окончательное смущение. Ибо, кроме строжайше запрещенной божбы и поминания нечистого, он умудрился выговорить все это на «ланг д'уи»[1 - «Ланг д'уи» – (язык «да») – наречие, на котором говорили в Северной Франции. Южнее Луары господствовал «ланг д'ок».] с диким нормандским произношением.

– Я... ну... Рыба...

– Дальше, – подбодрил я, наблюдая, как покрасневший и разом вспотевший Пьер с невероятным усилием подбирает непослушные латинские слова.

– Я ловить, я ловил... – Пьер вздохнул и потер громадной пятерней свою веснушчатую физиономию.

– Мы ловили, – согласился я.

Я вновь обернулся – брат Ансельм смеялся, но незаметно – одними уголками губ. Уже не в первый раз подумалось о том, где мальчик так научился себя держать. Все-таки ему еле-еле восемнадцать, и то по документам, которые не у одного меня вызывали сомнения.

– Мы ловили, – обреченно повторил Пьер. – Отец Иегудиил – в аббатстве святого Дионисия кузнец есть. Он плохой кузнец есть. Он сделать... сделал плохой...

Похоже, слово «крючок» забылось, и Пьер мучительно подыскивал подходящий эквивалент.

– Он сделал плохое орудие... Орудие удить... Отец Гильом!

– Так...

Я отложил в сторону удочку и смерил Пьера выразительным взглядом. Детина сжался и заморгал.

– Брат Петр плохая память иметь, – вздохнул я. – Брат Петр забыть, как мы договариваться...

– Отец Гильом! – вновь воззвал несчастный, взмахнув ручищами, от чего в неподвижном вечернем воздухе повеяло свежим ветром.

– Вы – будущий священник, брат Петр. В вашей практике будет немало эпизодов, по сравнению с которыми этот несчастный карп – сущая мелочь. Вы должны сохранять спокойствие и не сбиваться на простонародную тарабарщину, из которой, к вашему счастью, я не понял ни слова... Дюжину «Отче наш» и дюжину «Верую» перед сном. Вы, кажется, улыбаетесь, брат Ансельм?

Все-таки я застал парня врасплох. Но лишь на миг. Девяносто девять из сотни сказали бы в таком случае: «Нет!» – но Ансельм дерзко сверкнул глазами и

покорно ответил: «Да, отец Гильом».

Я хотел поинтересоваться, что именно брат Ансельм услышал смешного, но посчитал, что это будет излишним занудством.

- Две вязанки хвороста, брат Ансельм. И мытье посуды после ужина.

- Да, отец Гильом.

Парень вновь улыбнулся, и я вдруг сообразил, что сегодня и так его очередь мыть посуду.

- Ладно, - резюмировал я, - как там у нас с уловом?

Несмотря на эпизод с разогнувшимся крючком, улов был неплох. Впрочем, пруды у Нотр-Дам-де-Шан всегда славились отменной рыбой.

Ужин варили тут же - идти в старую заброшенную кухню, где не готовили уже два десятка лет, с тех пор как старый граф де Корбей разорил здешний монастырь, не хотелось. Ребята разложили костер, и Пьер уже привычно достал нож, дабы приняться за рыбу, но я остановил его:

- Уху сегодня приготовит брат Ансельм. А вы, брат Петр, надеюсь, не забыли, что должны мне басню?

- Какую басню? - моргнул Пьер, успевший уже успокоиться и предвкушавший ужин.

- Басню «Лисица и отражение луны» из сборника «Робертов Ромул». Вы должны были выучить ее еще вчера, но вчера у вас, кажется, был насморк...

- Не насморк... - вздохнул бедняга. - У меня... это... голова болела.

- Сочувствую, брат Петр. Надеюсь, сейчас все неприятности позади и мы имеем возможность послушать наконец басню.

– Сейчас... Я... ну... повторю.

Я не стал спорить и принялся наблюдать за Ансельмом. Вечерняя уха – маленький реванш за ошибку с посудой. К тому же мне было очень любопытно, как парень поведет себя. До этого я ни разу не видел Ансельма на кухне. В Сен-Дени его туда и близко не подпускали. Похоже, и там, где он жил прежде, его маленькие аккуратные руки не знали черной работы.

Впрочем, если это было и так, Ансельм не подал и виду. Он быстро принес воды и направился в келью за припасами, после чего, достав лук, чеснок, сельдерей и морковь, занялся рыбой. Получалось у него неплохо – нож резал ровно и быстро. Видимо, я все-таки ошибся, готовить мальчику уже приходилось. Краем глаза я заметил, что Пьер тоже следит за Ансельмом, причем не без затаенной ревности. Уха – коронное блюдо нормандца, который, как я уже убедился, и без того превосходно готовит.

– Итак, брат Петр, – напомнил я, – мы вас слушаем.

– Басня, – начал Пьер самым бодрым тоном. – Из сборника...

Последовала пауза, но я не торопился. Вспомнилось, что еще два года назад Пьер, проучившийся в монастырской школе чуть ли не десять лет, не мог связать поллатыни и нескольких слов. Все-таки парень молодец, хотя, видит святой Дионисий, я тоже очень старался.

– Из сборника. Называется «Лиса и отражение луны»...

На губах Ансельма вновь мелькнула улыбка, и я в который раз подумал, откуда пришел в Сен-Дени этот мальчишка? Латынь он знал превосходно, лучше меня. Такое еще можно объяснить, но Ансельм знал греческий и, как я недавно сумел узнать, арабский...

– Некая лисица шла ночью возле реки и увидела в одной реке отражение луны. Увидев оное отражение, решить... решила она, что это суть сыр...

Я вдруг сообразил, что за весь день Пьер ни разу не открывал книги. Да, память у парня превосходная, и надо было здорово постараться, чтобы за несколько лет

ничему не выучить этого нормандского увальня. Пьер не был лентяем – он искренне хотел закончить школу и стать священником где-нибудь в деревне. Но до недавнего времени эта мечта была от него далека, как стены Иерусалима.

– ...Стала она лисица лакать воду. Мнила она, что выпить... выпьет реку, после чего дно высохнет и упомянутый сыр достанется ей...

Между тем в котелке уже что-то начинало закипать. Я принялся и остался доволен – ужин явно нам обеспечен. Правда, запах был несколько необычен. Пахло чем-то незнакомым – не сельдереем и тем более не луком.

– ...Лакала она лисица воду без перерыва, пока не захлебнулась...

Пьер довольно вздохнул, предчувствуя окончание пытки, и выпалил:

– А мораль этой басни такова: человек алчный рвется к наживе с таким усилием, что сам себя раньше времени в темную могилу сводит!

Вслед за этой нравоучительной фразой на физиономии Пьера расцвела совершенно неподходящая ухмылка. Я не выдержал и улыбнулся в ответ.

– А теперь пусть брат Ансельм рассказать, – окончательно расхрабрился Пьер. – А то, отец Гильом, вы его басня учить не заставляете!

Не хотелось пояснять, что «Роберт Ромул» Ансельм читал лет в семь, если не раньше, но наш сегодняшний повар тут же откликнулся.

– Басня «Человек, который молился».

Я почувствовал внезапное смятение. Дело не в том, что эту басню обычно не рекомендуют читать ученикам. Поразил тон – Ансельм отозвался на предложение Пьера как-то излишне серьезно.

– Один человек имел обычай приходить в церковь поздно, склонять колени и молиться всегда одними и теми же словами: «Господи Боже, будь милостив ко мне, и к жене моей, и к детям моим, а больше ни к кому»...

Ансельм на миг замолк, тонкие губы сжались, побелели, в темных глазах блеснул недобрый огонек.

– Услыхал это однажды его сосед и тоже стал молиться: «Господи, Господи, Боже всемогущий, разрази ты его, и жену его, и детей его, а больше никого»...

– А... а мораль? – недоуменно спросил Пьер, не дождавсь пояснения.

– Там нет морали. – Ансельм отвернулся и занялся котелком. Пьер почесал затылок и стал неторопливо нарезать хлеб.

...Брат Ансельм появился в Сен-Дени год назад. Пришел поздним вечером, босой, в оборванной ризе. Отец Сугерий велел накормить путника и уложить спать, но паренек настоял на встрече, после которой наш аббат заперся с отцом Эрве и беседовал с ним чуть ли не до утра. А на следующий день в Сен-Дени появился новый монах, которого было велено ни о чем не расспрашивать. Почти сразу же Ансельм стал ходить ко мне в школу, но заниматься с ним пришлось по особой программе. Все премудрости, которые я втолковывал братьям-бенедиктинцам, были Ансельму уже ведомы, и я, следуя ясному намеку аббата, готовил парня в университет. Я догадывался, что направят его в Болонью, причем на богословский факультет. А вот откуда брат Ансельм появился, мог лишь предполагать. Впрочем, его короткие темные волосы, черные глаза и смуглая кожа кое-что подсказывали...

Уха вызвала одобрение всех, включая недоверчивого Пьера. Ансельм оставался невозмутим, но было заметно, что похвалы ему по душе. Я не удержался и спросил о запахе.

– Точно, – поддержал меня Пьер. – Ты, брат Ансельм, не скрывать. Я ведь, когда готовлю, ничего не скрывать!

– Не обижайся, брат Петр, – Ансельм улыбнулся и достал из мешка нечто сухое и сморщенное. – Этот корень у меня на родине называется «Пастушка». Здесь он не растет. У меня оставалось немного...

– А где это – у тебя на родине? – ляпнул нормандец, забыв настоящий совет аббата.

Ансельм на мгновение сжал губы, затем вновь улыбнулся:

- В Италии, брат Петр. Эта трава растет на юге, в Калабрии.

- Так ты оттуда?

- Нет. Я родился в Риме, а жил в Тоскане, затем в Неаполе.

Нечто подобное я и предполагал. Для кастильца или грека Ансельм слишком правильно говорит по-латыни. А для окситанца[2 - Окситания - средневековое название Южной Франции.] слишком смуглый.

- Ну вот! А то молчать все! - Пьера окончательно понесло, но я почему-то не вмешался. - А то как получается? Мы ж ничего не скрывать, живем вместе, из одной миски едим. А тебя и спросить ничего нельзя!

Интересно, что ответит Ансельм?

- А может, я великий грешник, брат Петр, - на губах у паренька по-прежнему была улыбка, но глаза смотрели серьезно.

- Ты? - Пьер взмахнул рукавом ризы, чуть не опрокинув котелок. - Ну, Ансельм, ты и сказать...

- Брат Ансельм, - негромко поправил я, и Пьер, наконец-то сообразив, что заговорился, умолк.

Может, Ансельм и был великим грешником, но знать это никому не дано. Исповедовался он лично аббату. Даже когда отец Сугерий уезжал - а случалось это часто, - никто не имел права принимать у парня исповедь.

- Ты и сам не обо всем рассказываешь, брат Петр. - Ансельм ловко вернул удар.

Нормандец чуть не уронил ложку.

- Я?!

– Ты, конечно, – Ансельм невозмутимо хлебал уху, но в глазах его плясали чертики. – Из-за чего ты из деревни бежал?

– Я? Бежал? – Пьер перевел дух и уныло закончил: – Ну, бежал. Это... Надо быть... было...

Я-то знал, в чем дело, – парень вот уже год, как мне исповедовался. Впрочем, особых грехов у Пьера, как в его прежней, крестьянской, так и в нынешней, монашеской, жизни не водилось. Правда, чревоугодие считается смертным грехом, но обильная кухня Сен-Дени давно уже заставляет исповедников мягко подходить к этому щекотливому вопросу.

После ужина я заставил Пьера прочитать вслух благодарственную молитву, причем проделать это три раза, пока тот не удосужился произнести ее без ошибок, и в довершение всего отправил его за дровами. Недоуменный кивок в сторону Ансельма я проигнорировал, рассудив, что духовное начальство просто обязано порой проявлять самодурство – иначе уважать перестанут. Ансельм потянулся к котелку, но я отстранил его, сам наполнил котелок водой и поставил на огонь.

– Присядь, брат Ансельм.

Он кивнул и послушно присел на одно из бревен. С озера подул вечерний ветерок, а где-то вдали, за лесом, глухо ударил колокол. Я машинально перекрестился, сообразив, что за все эти дни мы ни разу не отслужили вечерню.

– Брат Ансельм... – Я хотел спросить совсем о другом, но в последний миг не решился. – Ты прочел третий раздел Ареопагита?

– Да, отец Гильом.

– Готов побеседовать об этом?

– Да, отец Гильом...

Ансельм отвечал спокойно, словно мы сидели в нашем старом классе, но мне показалось, что он, как и я, думает совсем о другом. И вдруг я понял, что совсем

не хочу говорить об Ареопагите.

– Сделаем так, брат Ансельм. Ты прочитаешь книгу до конца, а затем мы устроим диспут. Ты будешь защищать Ареопагита, а я попытаюсь тебя опровергнуть.

– Как отец Бернар?

Я вздрогнул. Мальчик преподносил сюрприз за сюрпризом.

– Отец Бернар не против святого Дионисия Ареопагита, – осторожно начал я. – Он сомневается в некоторых... практических выводах из его трудов.

– Да.

Я не без опаски взглянул на Ансельма. Это «да» могло означать что угодно, но, похоже, в данном случае парень просто надо мной смеется.

Мне вдруг вспомнилось красивое, но холодное, словно изваянное из голубоватого гипса, лицо отца Бернара. «Дело не в этом, брат Гильом...»

– Дело не в этом, – повторил я вслух. – Отец Бернар, конечно, не одобряет, когда церковный алтарь украшают золотом и драгоценными камнями и при этом ссылаются на святого Дионисия, но дело все же не в этом...

Ансельм ждал, что я продолжу, но договаривать я не стал. Умному достаточно – все вокруг понимали, что спор идет не об украшениях нового алтаря Сен-Дени и не о каноничности взглядов Ареопагита, а о том, какое из аббатств – Клерво или Сен-Дени – будет направлять жизнь Королевства Французского. Тогда, несколько лет назад, моя миссия в Клерво была удачной. Отцы аббаты договорились...

– А я не понимаю...

Я невольно вздрогнул. Брат Петр умудрился подобраться незаметно, и даже куча хвороста в его могучих ручищах ни разу не хрустнула.

– Не понимаю, – повторил он. – Что есть плохое...

- Что плохого, - поправил я.

- Что плохого, если нашу церковь перестроили и украсили? Ведь церковь она... это... Дом Божий на земле есть!

Я поглядел на Ансельма, переадресовывая вопрос. Парень принял вызов.

- Плохого тут ничего нет, брат Петр, но отец Бернар считает, что покрывать золотом гробницу Святых Мучеников - все же не лучший способ их почтить.

- Ну, нет!

Пьер швырнул на землю хворост и нахмурился, собирая воедино весь свой запас латыни.

- Слышать я это уже, брат Ансельм. В церкви не делать скульптур, картин, не украшать золото...

Брата Петра давно пора было остановить и заставить повторить все то же, но правильно, однако я не стал этого делать. Не так часто наш нормандец вступает в богословские споры.

- И тогда не Дом Божий, а сарай быть. Ты, брат Ансельм, не из крестьян быть. Ты не понимаешь. Когда крестьянин приходит в храм, он что видит? Он видит Дом Божий...

По лицу Ансельма промелькнула легкая гримаса. Конечно, он уже слышал подобное, только в куда более изысканных выражениях. Наш аббат любит высказываться на эту тему.

- Мир вам, братья, - остановил я бесплодный спор. - Брат Петр, раз вы столь заинтересовались данной темой, мы с вами прочитаем «Апологию Виллельма, аббата Святого Феодора», которую написал отец Бернар, и вместе обсудим ее.

- Я... это... лучше за хворостом ходить, - упоминание об очередной книге подействовало на Пьера отрезвляюще, и через мгновение мы остались с

Ансельмом наедине.

– Итак, мы с тобой договорились, брат Ансельм? Устроим диспут?

Он кивнул, думая явно не об этом.

– Отец Гильом, говорят, отец Сугерий поссорился с Абеляром именно из-за Святого Дионисия?

Есть! А я все ждал, когда он заговорит со мной об Абеляре? Вот уже полгода его добросовестные соседи докладывали отцу Сугерию, что в келье молодого монаха хранится рукопись великого еретика. Аббат решил не вмешиваться, я – тоже. В конце концов, слава Абеляра столь велика, что Сен-Дени уже начинает потихоньку гордиться, что этот великий грешник когда-то пребывал в наших стенах.

– Это отчасти так. – Я невольно улыбнулся, вспомнив то, на что намекал Ансельм. Господи, как давно это было! Тогда я только осваивался здесь и отец Сугерий казался грозным и недоступным...

– Riskну напомнить тебе, брат Ансельм, что Сен-Дени основано в память Святого Дионисия. Считается, что наш патрон – тот самый первый епископ афинский, которого Апостол Павел встретил на ареопаге после своей проповеди.

Я взглянул на Ансельма и заметил легкую, еле заметную усмешку. Парню было весело. Он знал! Он знал это и многое другое, и сейчас, похоже, просто экзаменовал меня. То ли на искренность. То ли на что-то еще...

– Но Абеляр... Не рискую называть его «брат Абеляр», ибо наш орден отверг его...

Усмешка Ансельма стала заметнее.

– Абеляр нашел в трудах Беда Достопочтенного пассаж о том, что покровитель Сен-Дени – не епископ афинский, а всего лишь какой-то Дионисий Коринфский, который, признаться, ничем особым не знаменит...

– И что «Ареопагитика» написана не Дионисием, а каким-то сирийским монахом пять веков спустя, – негромко закончил Ансельм. – Извините, отец Гильом, но это здесь столь трогательно скрывается...

– В Риме над этим смеются? – решил я.

Ансельм кивнул, и на мгновение меня посетила не самая удачная мысль. Нет, молодой итальянец не мог быть соглядатаем Курии. Соглядатаи не приходят среди ночи и не требуют свидания с аббатом. Соглядатаи не будут откровенничать с такими, как я...

На этот раз приближение Пьера можно было угадать без особых трудов. Парень продирался сквозь кусты с изрядным шумом. И я, уже не в первый раз за этот идиллически спокойный вечер, почувствовал тревогу.

– Там... Отец Гильом!

Вид у Пьера был не просто растерянный – парень казался чуть ли не вне себя. Итак, не разбойники – тут нормандца не испугать. И не посланец из Сен-Дени. Я вздохнул и встал. Кажется, то, чего боялся отец Сугерий и чего я сам был не прочь избежать, все-таки случилось.

– Этот... Мул. С колокольчиками...

Пьеру явно не хватало слов, но он героически пытался говорить на латыни. Итак, мул с колокольчиками. А на муле...

– В шляпе! Отец Гильом! В шляпе!

Ансельм тоже встал, на его смуглом лице не было и подобия улыбки. Он тоже понял. Да, не зря отец аббат отправил нас троих подальше от Сен-Дени, в забытую Богом часовню Божьей Матери на Полях. Отправил от греха подальше – и, выходит, напрасно. Не пронесло.

– В шляпе! – с ужасом повторил Пьер. – Его... Его Святейшество[3 - Титул Папы Римского.]!

Тон парня был столь искренним, что в первое мгновение я представил себе невозможную картину – Наместник Христа верхом на муле у ворот Нотр-Дам-де-Шан. Но затем опомнился – Папа Римский, конечно, пребывал там, где ему и положено, – в Риме, а в гости к нам пожаловал кое-кто другой. Правда, в этой ситуации я предпочел бы, пожалуй, встретиться с Его Святейшеством. Говорят, он тоже рыбак...

2

Перед глазами тускло блеснул перстень. Я приложился с большому темно-красному рубину и выпрямился. Джованни Орсини, Его Высокопреосвященство, Кардинал Курии и легат Его Святейшества в диоцезах Галлии, то есть в Королевстве Французском, глядел на меня с доброй, благожелательной улыбкой. Он был молод – моложе меня лет на семь – и неожиданно красив. Почему-то я представлял его злым согбенным старцем с потухшим взглядом.

– А вот и вы, брат Гильом! Надеюсь, рыбалка была удачной?

Тонкие красные губы по-прежнему улыбались, темные глаза светились добротой, и на миг мне стало по-настоящему страшно. Плохо, когда во Францию внезапно присылают из Рима легата с чрезвычайными полномочиями. Плохо, когда этот легат направляется напрямиком в Сен-Дени. Но совсем плохо, когда легатом оказывается тот, с кем я давно знаком, хотя и заочно. С того самого дня, когда рукопись моей книги о Святом Иринее Лионском попала в Рим.

– Так-так. Ужинать мы не будем, но на завтрак обязательно отведаем ваших карпов... Кто сии юноши, брат Гильом? Познакомьте нас.

Пока я представлял кардиналу ополоумевшего при виде красной шляпы Пьера и внешне невозмутимого Ансельма, растерянность постепенно уходила. Ведь я знал, что так и будет. Джованни Орсини обязательно захочет повидать меня. Правда, я не мог и предположить, что легат Святого Престола вместо того, чтобы вызвать меня обратно в аббатство, решит сам поехать в Нотр-Дам-де-Шан. Впрочем, Орсини молод и любопытен, а значит – нетерпелив. А может, есть и

другая причина.

Кардинальская свита – пятеро крепких парней в темных ризах из дорогой материи – уже деловито наводила порядок. Из келий выбрасывали накопившийся там за долгие годы хлам, дабы устроить Его Высокопреосвященству достойный ночлег.

– Итак, брат Гильом, рад вас наконец увидеть. Дабы не ввергать вас в гордыню, скажу сразу, что поехал в сии места не только ради вас, но и ради здешних вод, кои, по уверениям отца Сугерия и отца Эрве, целебны... А они действительно целебны, брат Гильом?

– Воистину так, Ваше Высокопреосвященство.

Это придумал наш приор – отец Эрве. Старику полегчало в этих местах, и он уверовал в целебность здешних родников. Никто не стал спорить. Отец Сугерий, всегда зревший в корень, распорядился широко распространить слух об этом чуде, а заодно привести старую часовню в порядок в ожидании паломников.

– К вечерне мы несколько запоздали, но, думаю, ее все-таки следует отслужить... Однако сперва давайте побеседуем.

Кардинальская свита уже заняла часовню, деловито осматривая все углы. Интересно, что они там ищут? Затаившегося ассасина с кривым кинжалом или припасенную ради подобного случая гадюку в алтаре?

Кардинал благожелательно кивнул мне, приглашая стать по левую руку. По правую пристроился огромного роста детина с мрачной физиономией. Мне вдруг показалось, что под ризой у него спрятан кинжал. Этого не могло быть, но кинжал почему-то представился мне так, словно я увидел его воочию, – в темных ножнах, из лучшей дамасской стали, с небольшим золотым кольцом на рукояти...

Мы неторопливо направились по тропинке, ведущей к разрушенным еще в давние годы воротам. Старый граф де Корбей потрудились основательно – от них остались лишь фундаменты каменных столбов.

– Вы получили мой ответ, брат Гильом? Я послал его еще три месяца назад.

– Получил, Ваше Высокопреосвященство. И прочитал со всем вниманием и почтительностью.

Мы переписывались уже несколько лет. Прочитав мою книгу, Орсини тут же обвинил меня во всех смертных грехах, а заодно – в «покушении на ересь». Я не удержался – и ответил. Тогда он написал мне лично...

– Очень хотелось бы побеседовать. Боюсь, на пергаменте я не всегда высказываюсь точно... Кстати, брат Гильом, вы сами решили спрятаться здесь или это идея отца Сугерия?

– Спрятаться? – Я изобразил на лице невозможнейшее удивление и даже остановился, разведя руками. – Ваше Высокопреосвященство! Я лишь скромный монах, посланный нашим высокоученым и высокочтимым аббатом для рыбной ловли.

– Так...

Улыбка исчезла, темные глаза блеснули.

– Брат Гильом! Мне бы очень хотелось, чтобы вы были со мной столь же откровенны, как и я с вами. Или по крайней мере, так, как вы откровенны в своей полемике.

Я молчал и старался глядеть в сторону – туда, где над дальним лесом неторопливо опускалось еле заметное облачко ночного тумана. Сырость – пожалуй, единственный недостаток этих мест...

– Вы – не скромный монах, брат Гильом. Я не говорю о том, что вы защитили диссертацию в Болонье, написали известный всему христианскому миру трактат и являетесь правой рукой высокочтимого отца Сугерия. Если не ошибаюсь, он прочит вас в приоры.

Орсини не ошибался. Месяц назад, когда отец Эрве в очередной раз серьезно захворал, аббат говорил со мной об этом. Видимо, наша негромкая беседа была услышана далеко за стенами Сен-Дени.

– У нас много общего, брат Гильом. Я – княжеского рода, потомок римских патрициев. Вы когда-то носили имя графа Андре де Ту... Вы – крестоносец, вас посвятили в рыцари возле Гроба Господня...

– Это было давно, – не выдержал я. – С тех пор многое изменилось. Если вы хотите беседу на равных – наденьте на меня красную шляпу!..

В ответ послышался смех – веселый, искренний.

– Так-то лучше! Бояться меня не имеет смысла – ведь на этой земле, в Королевстве Французском, ныне я – голос Его Святейшества и Его воля. Я могу закрыть Сен-Дени, наложить интердикт на все Галльские диоцезы...

– И поэтому вас не нужно бояться, – вновь не выдержал я.

– Конечно! – на этот раз он не смеялся. – Мне ничего не стоит отправить на костер моего давнего оппонента, обвинив его в скотоложстве или соглядатайстве в пользу Египетского султана. Но, брат Гильом, вы же умный человек...

Договаривать он не стал, но я понял. Его Высокопреосвященство намекал на свою объективность. Между нами уже много лет тянется ученый спор – не более.

– И все-таки вы обвинили меня в ереси.

– Можете добавить «Ваше Высокопреосвященство», – на его лице вновь была улыбка. – Прозвучит страшнее. Брат Гильом! Я никогда не обвинял вас в ереси! Я лишь отметил, что некоторые взгляды, которые вы приводите в вашем труде... Не ваши собственные! Речь идет о некоторых толкователях Святого Иринея, на которых вы ссылаетесь... Так вот, эти взгляды действительно могут быть трактованы как покушение на ересь. Улавливаете разницу?

– Улавливаю, – согласился я. – Но кое у кого плохо со слухом. Иногда достаточно одного слова «ересь».

Он вздохнул:

– Дикая Галлия!.. Похоже, я действительно погорячился. Видит Всевышний, мне не хотелось доставлять вам неприятности, брат Гильом. Иное дело, я категорически не согласен со многими положениями, которые вы с упорством, достойным лучшего применения, продолжаете защищать...

Я испугался, что сейчас он пустится в рассуждения о толкованиях некоторых наиболее любопытных высказываний Иринея Лионского, но Орсини и сам понял, что говорить об этом не ко времени. Он вновь улыбнулся:

– Итак, вы решили спрятаться...

– Не я. – Моя усмешка вышла, кажется, не менее искренней. – Отец Сугерий в своей неизреченной мудрости решил отправить меня на время поудить рыбу. Но я не возражал...

Орсини кивнул:

– Отец Сугерий мудр... Кстати, эти юноши – Пьер и Ансельм – кто они?

Я пожал плечами:

– Пьер – из Нормандии. В Сен-Дени уже лет десять, мечтает стать священником. Я помогаю ему с латынью. Брат Ансельм – из Италии, в Сен-Дени недавно. О нем я знаю мало...

Кардинал задумался.

– Худший и лучший ученики вашей школы? Я не ошибся?

Он не ошибся. Если ему не сообщили все заранее, то мой оппонент весьма наблюдателен.

– Теперь понимаю. Отец Сугерий решил отправить порыбачить всех, кто несколько выделяется из общего ряда. Ох, эта провинциальная мудрость! И вы знаете, брат Гильом, ваш аббат почти достиг своей цели. Я спешу, у меня дела в Париже, и я не собирался задерживаться в Сен-Дени. Но вчера я получил письмо...

Он вновь не стал договаривать. Привычка не из лучших – мессеры в красных шляпах не желают зря расходовать слова. Впрочем, и на этот раз все было понятно. Что-то в полученном им письме потребовало немедленной встречи с автором «Жития Святого Иринея».

Я ждал продолжения, но его не последовало. Орсини неторопливо дошел до разрушенных ворот, бросил беглый взгляд на темнеющий вдалеке лес и, зябко поежившись, повернул обратно. Монах-телохранитель неслышно скользил рядом, то и дело бросая на меня выразительные взгляды. Итак, разговор откладывается. Его Высокопреосвященство решил слегка потомить меня ожиданием. Напрасно – лет двадцать назад такое могло бы подействовать. Теперь – уже нет. За эти годы я научился многому, в том числе и терпению.

На полпути назад Орсини, казалось, полностью ушедший в известные лишь ему мысли, внезапно встрепенулся:

– Ну конечно! А я все думаю, что не сделал из того, что должен! Извините, брат Гильом, я должен был сказать об этом раньше. Вы помните графа Карачиолли?

Я вздрогнул. Орсини умел удивлять.

– Лодовико? – Я все еще не верил. – Он жив?

Кардинал улыбнулся.

– Жив и здоров. Недавно приехал из Святой Земли. Мы виделись с ним по одному достаточно щекотливому делу... Впрочем, это не важно. В данном случае важно, что он вас помнит и шлет самые наилучшие пожелания, а также просит не забывать, как он выразился, старого друга в своих молитвах.

– Лодовико...

Я заставил себя не вспоминать. Это ушло навсегда. Это было не со мной... Но я понял – не забуду. Даже если пройдет еще двадцать лет. Или целых сто.

– Он по-прежнему такой же черноволосый красавец? – брякнул я – и тут же прикусил язык. Орсини, искоса взглянув на меня, покачал головой:

– Увы. Сейчас его зовут Седой Карачиолли.

– Седой?

Мне все еще не верилось. Лодовико – тот, по которому вздыхала половина иерусалимских дам, кого пуще чумы боялись папаши, имевшие дочек на выданье, гуляка и лучший меч во всем королевстве!..

– Седой, – кивнул Орсини. – И очень набожный. Мы с ним долго беседовали. В том числе о вас, брат Гильом.

– Зачем? – не сдержался я.

Очарование исчезло. Его Высокопреосвященство ничего не делал зря. И этот разговор – тоже не зря. Я рано успокоился.

– Ну... – Орсини мило улыбнулся. – Мы с вами все эти годы знакомы лишь заочно. Два клирика, спорящие о Святом Иринее. Хотелось узнать о вас побольше. Знаете, брат Гильом, я очень удивился, узнав, кем вы были в миру. Граф де Ту, крестоносец, герой обороны Аскалона и, кажется, даже поэт.

Я никак не реагировал. Все это можно узнать и без беседы с графом Карачиолли.

– Я, как вы знаете, тоже из знатного рода и, признаться, очень горжусь, что я Орсини. Но я – младший брат, и сутана мне была обещана с самого рождения. А, признаться, так хотелось побывать там, где вы!.. Увы, мы не любим покидать нашу римскую берлогу[4 - Фамилию «Орсини» можно перевести как «Медведев».] – он тихо засмеялся. – Остается надеяться, что мое следующее легатство будет в Святой Земле... Вы – старший сын в семье, брат Гильом. Наследник.

...Я молчал. Его Высокопреосвященство все-таки не так и премудр. Шахматный этюд, причем не из самых сложных. Ему что-то от меня надо. И для этого строптивому брату Гильому следует кое о чем напомнить.

– Я долго не понимал – отчего вы ушли из мира? То, что случилось двадцать лет назад, – поистине ужасно, но далеко не все даже после такого испытания оставляют путь, который перед вами открывался. Гибель вашей жены и сына – трагедия, но еще не повод, чтобы уходить из мира.

– По-вашему, этого недостаточно? – как можно спокойнее поинтересовался я.

– Нет. Человек в вашем возрасте... Вам тогда было двадцать один, я не ошибаюсь? Человек в вашем возрасте и с вашим происхождением скорее будет стремиться отомстить, залить кровью врагов всю Палестину. Когда вы выразили желание уйти из мира, Гуго Пайенский предлагал вам вступить в орден Святого Иоанна и продолжать войну с неверными как рыцарь-монах. Вы же уехали. Впрочем, после беседы с вашим старым другом я кое-что понял. Граф Карачиолли был достаточно откровенен.

Увы, Лодовико всегда был простоват. Похоже, годы не научили его держать язык за зубами. Впрочем, Орсини умеет разговаривать по душам и не с такими, как Карачиолли.

– Уезжая из Святой Земли, вы достаточно громко и, как мне кажется, неосторожно, заявили, что разочаровались в деле, которому служили. Более того, вы привселюдно сорвали с одежды знак Святого Креста...

Я поморщился:

– И многое вы еще сумели узнать, Ваше Высокопреосвященство?

Его улыбка стала поистине ангельской:

– Еще кое-что, брат Гильом. Ваша супруга, которую вы называли Инесса, не была крещена. И вы не венчались с нею, хотя утверждали обратное. Следовательно, вы были женаты на мусульманке. Говорят, ее прежний поклонник, какой-то бедуинский царек, решил отомстить, и когда вы были в отсутствии, напал на замок.

Я глубоко вздохнул. Спокойнее, брат Гильом, спокойнее!..

– Вы правы, Ваше Высокопреосвященство. Мой замок сжег Касим абу Ирман. Но если вы были последовательны в своих расспросах, то должны знать, что помог ему в этом достойный христианин Альфред де Буа, который враждовал с моим сюзереном – королем Балдуином.

– И вы посчитали, что дело Святого Креста превратилось в обычную свару баронов, ничуть не лучше той, что уже не первый век длится на землях Италии или Королевства Французского?

Странно, тон Его Высокопреосвященства был более чем серьезен. Я пожал плечами:

– Я понял нечто большее. Грызня в Палестине обрекает христиан в Святой Земле на верную гибель. Только немедленный мир между ними и сарацинами может спасти Крест над Иерусалимом.

– Поэтому вы выступали за замирение с атабеком Имадеддином?

Я невольно улыбнулся. В битве под Мосулом мы схлестнулись с атабеком один на один. Он разнес мне шлем, я продырявил ему плечо. Потом, когда мы вели переговоры, было что вспомнить.

– И мы подписали этот мир, Ваше Высокопреосвященство. Не моя вина, что позже он был нарушен.

Орсини покачал головой.

– А мы в Риме удивляемся, отчего это аббаты Сен-Дени, Клерво, а заодно и Ключни столь ревностно выступают против нового Крестового похода? Причем приводят такие любопытные подробности...

Я развел руками:

– Если в этом есть доля моей вины, то, значит, я не зря прожил здесь эти годы.

– Да... – Орсини вздохнул. – Признаться, такая позиция Галльских диоцезов нас поначалу даже шокировала. Когда достойный отец Сугерий выступает против

Крестового похода, это еще можно понять – он слишком близко к сердцу принимает интересы короля Людовика, забывая о нуждах Вселенской Церкви. Но когда против похода высказывается сам Бернар из Клерво... Как вы его убедили?

Отвечать я не стал, хотя тут есть чем гордиться. Гипсовую статую переубедить невозможно, но когда я несколько вечеров подряд рассказывал о соблазнах, поджидающих наивных христиан на развратном Востоке, о том, во что превращаются ордена Святого Иоанна и Святого Храма, о роскоши палестинских монастырей... Гипс чуть не треснул, а на следующий день отец Бернар разразился своим первым посланием по поводу Крестового похода. Высказался он, как и всегда, весьма убедительно.

– И самое странное, брат Гильом, что в этом вопросе Курия с вами солидарна...

– Как?!

– Выходит, и я могу вас чем-то поразить... Невероятного в этом ничего нет. В последние годы Королевство Иерусалимское далеко не во всем поддерживает Святой Престол, да и положение в Европе не самое благоприятное для очередного похода. Кроме того, есть еще одна причина... Но об этом мы поговорим с вами в свое время.

Этой ночью я впервые за долгое время почти не спал. Когда под утро я наконец забылся, то увидел давний сон, многие годы уже не посещавший меня: пустыня, легкий ветер сдувает с серых барханов скрипящий на зубах песок, низкое зимнее небо – и темные всадники на горизонте. Они приближаются безмолвно, неотвратно, я пытаюсь крикнуть, но язык не слушается, и я лишь удивляюсь, отчего молчит часовая. И вот наконец слышится крик: «Тревога!» – но... Это всего лишь ударил старый, надтреснутый колокол часовни Нотр-Дам-де-Шан.

3

Разговор с Его Высокопреосвященством состоялся под вечер следующего дня. Весь день Орсини был занят – или делал вид, что занят. Он добросовестно

осмотрел источник, столь любившийся отцу Эрве, выпил воды, напоил свою свиту, а затем лично вытащил из воды трех карпов. После этого он сумел как-то незаметно побеседовать с моими учениками, подзывая их к себе одного за другим. После разговора Пьер едва стоял на ногах, вытирая со лба обильный пот и не в силах связать два слова не только по-латыни, но и на родном «ланг д'уи». Брат Ансельм, напротив, был спокойнее, чем обычно, и даже улыбался. Странно, но мне показалось, что Его Высокопреосвященство выглядел после беседы с ним несколько смущенным. Похоже, у двух итальянцев нашлась какая-то общая и весьма интересная тема.

Я делал вид, что все это меня не касается, стараясь думать о вещах приятных. Хотя бы о том, что визит легата Святого Престола в Нотр-Дам-де-Шан сразу же обеспечит наплыв паломников, и отец Сугерий должен быть мне за это признателен. И что он не даст меня в обиду, даже если Джованни Орсини возжаждет моей крови. Конечно, легат Его Святейшества может все – даже закрыть Сен-Дени, но делать этого, конечно, не станет. Более того, у аббата Сен-Дени достаточно влияния, чтобы защитить свою паству, пусть даже такого грешника, как я. И что следует обязательно поговорить с Пьером, на которого красная шляпа Орсини подействовала излишне сильно.

Его Высокопреосвященство удалился в свою келью, дабы, как он объяснил, разобраться с некоторыми документами, а я отправился на поиски нормандца. Далеко ходить не пришлось – Пьер обнаружился на том самом месте, где вчера мы ловили рыбу. На этот раз он даже не взял с собой удочки – просто сидел на бревне, о чем-то сосредоточенно размышляя. Я остановился, не решаясь приблизиться. Размышляющий Пьер – зрелище редкое.

– Отец Гильом! – он все-таки услышал, как я подошел. Я улыбнулся и присел рядом.

– О чем ваши мысли, брат Петр?

– Мысли? – похоже, это слово его озадачило. – А, мысли... Я не думаю... Не думаю.

Я был несколько разочарован, но затем сообразил, что «мыслями» Пьер, очевидно, считает нечто серьезное. Свои собственные размышления он к этому разряду не относит.

- Надеюсь, беседа прошла успешно?

- А? - парень задумался. - Беседа? Мы не беседовать... Не беседовали. Его Святейшество...

- Его Высокопреосвященство, - усмехнулся я. - Брат Петр, будьте внимательнее.

- Высоко... преосвященство, - сосредоточенно повторил он. - Он хвалить... хвалил, как я разговаривать на латыни.

Я представил себе, как Орсини воздает хвалу моему нормандцу, и еле сдержал улыбку. Но я был благодарен Его Высокопреосвященству - поддержка Пьеру очень пригодится.

- И еще он рассказывать... рассказывал. Как хорошо быть священником в деревне. Как его - священника - все уважают, как дарят подарки... Он спрашивать... спрашивал, не нужно ли поговорить с отцом Сугерием, чтобы меня скорее высветили... посветили.

«А о чем еще он спрашивал?» - хотел поинтересоваться я, но сдержался. Пьер и сам скажет.

- Он спрашивал про брата Ансельма. Он хвалил брата Ансельма. Он хвалил вас, отец Гильом. Он называть... называл вас очень ученым и очень умным.

Ну конечно!

- Он, наверное, хотеть... хотел, чтобы я рассказал о вас что-то. Но я не рассказывал что-то. Я молчал. Он очень хитрый, Его Высоко... преосвященчество...

- Высокопреосвященство, - механически поправил я.

- Высоко-прео-священс-тво, - с немалым трудом выговорил Пьер. - Он решил, что я - совсем глупый.

На физиономии Пьера внезапно расцвела усмешка. Орсини явно недооценил моего нормандца.

– А я вспомнить басня... Басню. Про то, как лиса хотела обмануть зайца.

Никогда не думал, что изучение басен будет столь полезно. Впрочем, Пьер и без чтения «Робертова Ромула», похоже, не из тех простаков, которые позволяют себя дурить. Даже тем, кто в красных шляпах.

– Он хотел узнать что-то, – повторил нормандец. – Про вас что-то, отец Гильом. И про брата Ансельма что-то. Он думать... думал, что я не заметить, как он хвалил брата Ансельма, но еще даже не разговаривать с ним.

– Не будем судить Его Высокопреосвященство, – примирительно заметил я.

Брат Петр внезапно хмыкнул и проговорил что-то на «ланг д'уи». На этот раз его нормандский выговор был поистине чудовищным.

– Так говорят у нас в деревне, – повторил Пьер. – «Наша хитрость в рогоже, да при поганой рожее... А ничего тоже!»

– Как-как? – Я невольно рассмеялся, и Пьер с удовольствием повторил еще раз.

Орсини вызвал меня под вечер. Его Высокопреосвященство сидел, обложившись свитками и делая записи в небольшой книжечке.

– Садитесь, брат Гильом, – начал он, не отрываясь от работы. – По вашей милости пришлось тащить весь этот груз с собой. Кое-что перепуталось, и я, грешен, уже несколько раз поминал вас не лучшим образом.

– Прошу меня простить, – смиренно отвечал я. – Если б я знал, что так нужен Вашему Высокопреосвященству...

– То спрятались бы куда-нибудь подальше, – коротко рассмеялся он. – Брат Гильом, завтра утром мы возвращаемся в Сен-Дени. Как вы уже, наверное, догадались, мне нужна ваша помощь. Я специально приехал сам, а не послал

своих людей, чтобы вы часом не решили отложить нашу встречу на неопределенное время. Для начала – прочтите.

Холеная белая рука метнула в мою сторону небольшой свиток. Я еле успел перехватить его.

– Читайте! – нетерпеливо бросил Орсини.

Я пожал плечами и развернул пергамент. Епископ округа Памье извещал Его Высокопреосвященство о том, что некий Умберто Лючини исчез после поездки в село Артигат и все попытки найти его оказались безуспешными.

– Это был ваш человек, Ваше Высокопреосвященство? – поинтересовался я, начиная кое-что понимать.

– Один из лучших моих людей! – Орсини дернул щекой. – Его, конечно, не найдут. Я догадываюсь, кто его убрал и за что. Но дело не в этом...

Кардинал замолчал, давая мне возможность справиться с удивлением. Памье – это, кажется, неподалеку от Тулузы. Места, конечно, беспокойные. Вальденсы, а в последние годы – катары[5 - Вальденсы – антицерковная ересь XII–XIII вв. Катары – тайная секта, исповедовавшая дуалистичность мира. Разгромлена в первой половине XIII в.]. Неудивительно, что кардинальского посланца «убрали», как изволил выразиться Его Высокопреосвященство. Но я-то тут при чем?

– Полгода назад Курия получила сведения, что в округе Памье творятся странные дела, – кардинал заговорил спокойно, негромким, чуть глуховатым голосом. – Епископ – монсеньор Арно де Лоз – лихоимец и прелюбодей, здешний сеньор – Гуго д'Эконсбеф – катар и, возможно, сатанист, церкви пустуют, крестьяне справляют шабаши и поклоняются козлу с кривыми рогами. А над всем этим стоит его светлость граф Тулузский, который делает все, чтобы оградить своих достойных подданных от нашего вмешательства...

– Ну и что? – достаточно невежливо поинтересовался я. – «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных...»[6 - Мф 2, 6.]

– Не богохульствуйте, брат Гильом! – Его Высокопреосвященство вновь скривился, но я видел, что он вполне меня понимает. То, что творилось в округе Памье – обычная картина для всей Окситании. Конечно, такие рассказы, точнее, рассказы, следовало сразу же делить пополам, а еще лучше – на четыре, и только после этого обсуждать. Но то, что южнее Луары неспокойно, а графы Тулузские менее всего жаждут допускать в свои владения представителей Рима, – дело ясное. – Обычно мы решаем такие вопросы без особых трудностей, хотя и не так быстро, как хотелось, – продолжал Орсини. – Граф Тулузский тоже не желает открытого скандала, так что в принципе можно отрешить епископа от должности и посоветовать сеньору д'Эконсбефу иногда появляться в церкви, дабы не смущать подданных. Это мы сделаем. Но в округе Памье произошло кое-что еще...

Он постучал пальцами по столу и развернул следующий свиток – побольше, но читать его не стал. Было заметно, что Его Высокопреосвященство колеблется.

– Некоторое время назад в округе Памье произошло... точнее, было совершено нечто подпадающее как под уголовный, так и под церковный суд, – на этот раз слова подбирались очень тщательно. – Дело громкое, и в Курии сочли, что местные власти излишне затягивают его решение. Более того, мы посчитали, что дело расследуют неверно, пытаясь спрятать некоторые важные улики...

Я все еще не понимал. Что ж, и такое случается...

– Да, дело громкое, неприятное, но все же мелкое, поэтому я решил не ехать сам, а отправить туда брата Умберто. Он человек опытный и имеет крепкую руку...

– Имел, – не удержался я. Орсини невесело улыбнулся.

– Имел... Вполне вероятно, что кто-то из уже упомянутых – монсеньор епископ или сеньор д'Эконсбеф – позаботился об этом... Я перечитал отчет брата Умберто и обнаружил там нечто мною ранее не замеченное. Это случилось как раз в день моего приезда в Сен-Дени. Я тут же вспомнил о вас, брат Гильом. Помоему, такое совпадение – указание свыше...

– Совпадение? – Пора было объясниться. – Ваше Высокопреосвященство, если вы ищите замену брату Умберто, то я – наихудшая из кандидатур!

– Вы читаете отчет. – Кардинал нетерпеливо мотнул головой. – Прочитаете внимательно, не пропуская ни одной буквы. На полях имеются мои пометки, они вам помогут. Это вы сделаете до утра. Утром, по дороге в Сен-Дени, мы продолжим разговор.

Белая холеная рука нетерпеливо дернулась, но я не спешил уходить.

– Ваше Высокопреосвященство, уже темнеет...

– Ну и что? – резко бросил Орсини. – Ведь работаю же я по ночам!

– Для этого нужен свет, – как можно спокойнее пояснил я. – Отец Сугерий отправил нас ловить рыбу, а не переписывать книги. У нас нет ни одной свечи.

На самом деле запасливый Пьер захватил их с полдюжины, но мне захотелось немного позлить итальянца. Желание, конечно, грешное...

– Зажжете лучину! – лицо Орсини вновь дернулось, и я еле сдержал улыбку.

– Увы, Ваше Высокопреосвященство, мое зрение...

Уста посланца Курии отверзлись, и я услышал нечто, в иных обстоятельствах стоившее бы Его Высокопреосвященству суровой епитимьи. Самым невинным выражением было упоминание крови Вакха[7 - «Per Vasso» – грубое итальянское ругательство.]. Белая рука вновь дернулась и принялась рыться в одном из ящичков. Миг – и в мою сторону полетела связка свечей. Свечи были на загляденье – розовые, витые, с тонкими золочеными ободками. Я поклонился, оставив Его Высокопреосвященство наедине с его проблемами. Кажется, я его разозлил, и это доставило мне некоторое удовлетворение.

...Округ Памье находится в предгорьях Пиренеев и входит в графство Фуа. Но вот уже полстолетия, как он перешел под крепкую руку графов Тулузских, которые присылают туда своих представителей. Сейчас там правит Гуго д'Эконсбеф, получивший эти земли в ленное владение двадцать лет назад. Его замок стоит неподалеку от Памье – небольшого городка, где проживают несколько сот обывателей. Окрестные крестьяне сеют просо, ловят рыбу в реке

Лезе, но главным образом разводят овец. Говорят в округе Памье на «ланг д'ок», но в предгорьях встречаются села, где господствует наречие басков...

Все эти подробности, приводимые добросовестным братом Умберто, я прочел с некоторым недоумением. Обычный окситанский округ, более того, вполне благополучный, ибо брат Умберто особо отметил, что ни вальденсы, ни катары в этом округе себя никак не проявили, с чем я мысленно поздравил нашу Святую Католическую Церковь. В иных местах, особенно ближе к Тулузе, положение дел не в пример хуже. Фраза Его Высокопреосвященства о пустующих храмах показалась явным преувеличением.

Абзацы, где говорилось о грехах и грешках местного епископа, а также о слухах, связанных с сеньором д'Эконсбефом, я пропустил, почти не читая. Это могло быть правдой, но столь же вероятно, что папского посланца вводят в заблуждение те, кому упомянутые сеньоры не по душе. Такое тоже встречается, причем сплошь и рядом. В подобных случаях надлежит договориться с графом Тулузским и прислать специальную комиссию, на что намекнул и сам Орсини. И незачем тревожить этими делами брата Гильома из Сен-Дени, который менее всего мечтает заниматься ревизией зарвавшихся церковных и светских иерархов.

Наконец в начале очередного абзаца я увидел знакомое название «Артигат». Небольшое село на берегу Лезы, несколько десятков домов, где живут в основном рыбаки и овцеводы. Именно туда собрался брат Умберто, и именно там он бесследно сгинул. Я вздохнул и стал читать внимательнее.

Поначалу я ничего не понял. Добросовестный брат Умберто излагал историю некоего Санкси де Гарра, приехавшего в Артигат из Басконии, супруга Бертранды де Ро. Обвенчались они двадцать один год назад, от коего брака имеют единственную дочь Жанну, которой в этом году должно исполниться двадцать...

Глаз зацепился за странную деталь – крестьяне почему-то писались с приставкой «де», словно Куси или Роганы. Впрочем, брат Умберто объяснил и это. «Де» – всего лишь местная традиция. Де Гарр мог владеть хутором Гарр, мельницей Гарр или одноименным сараем, а также быть потомком какого-то Гарра, то есть из его рода. Ну, с традицией не поспоришь.

Я хотел уже читать дальше, надеясь добраться до сути, но тут заметил на полях мелкие аккуратные буквы. Его Высокопреосвященство говорил о каких-то пометках... «Смотри выше». Это же перо подчеркнуло дату – год переезда семьи Гарров в Артигат. А выше...

Искал я недолго. Гарры переехали в Артигат в тот же год, когда сеньор д'Эконсбеф получил в свое ленное владение данный округ. И Орсини не счел это случайным совпадением.

Я ожидал, что речь пойдет о Санкси де Гарре, но ошибся. Брат Умберто писал о его дочери. Итак, Жанна де Гарр, «ликом миловидна, нравом резва, местным наречием владеет плохо, ибо в детстве изъяснялась по-басконски...».

Я невольно усмехнулся. Устав Святого Бенедикта, определявший последние двадцать лет мою жизнь, достаточно терпим даже к таким заблудшим овцам, как я. Когда мне начинает до смерти надоедать рыба, отец Сугерий хмурится и наставительно предписывает употреблять мясо «здравия для». Я и употребляю, причем без особых угрызений совести. О напитках горячительных и говорить не приходится, ибо, как говорится, «славься сок вина священный, порожденный гроздью пенной; стол, тобой благословенный, полон благодатию»[8 - Из пародийной «Всепянейшей литургии»]. Все так, но по поводу дочерей Евы компромиссов не предусматривалось. Их надлежит избегать в любом случае, а ежели таковое невозможно, беседовать, потупив очи и только о предметах духовных. Любопытно, а читать о них дозволено? Вероятно, да, иначе Его Высокопреосвященство не стал бы подвергать меня такому искушению.

...Итак, Жанна де Гарр – миловидная резвушка, болтавшая с подругами на смеси басконского и «ланг д'ок», до четырнадцати лет росла в отцовском доме, училась прясть и шить, чистила рыбу и ходила за коровами. Но в четырнадцать лет...

Я невольно вздрогнул. В четырнадцать лет Жанну де Гарр направили прислуживать в замок д'Эконсбефа. Напротив этого абзаца стояла пометка, сделанная рукой Орсини, но этого и не требовалось. Еще одно совпадение?

Теперь я читал внимательно, действительно не пропуская ни единой буквы. Два года Жанна прислуживала в замке, за что ее родители получали столько-то

ливров в год. Жалоб ни с чьей стороны не имелось. Через два года, когда Жанне исполнилось шестнадцать, отец забрал дочь из замка, ибо «приспело ей выходить замуж». Жениха звали Арманом де Пуаньяком, он был из Артигата, причем из весьма зажиточной семьи. Свадьбу должны были сыграть осенью, после стрижки овец и уборки проса, но за неделю до этого важного события упомянутая Жанна исчезла из деревни...

Есть! Как изволил выразиться Его Высокопреосвященство, «нечто подпадающее как под уголовный, так и под церковный суд». Под уголовный – если девицу де Гарр зарезали разбойники, и под церковный – если вышеозначенная девица, нарушив брачное обязательство, сбежала с каким-нибудь цыганом...

Как я понял, эти и подобные им версии были разработаны весьма тщательно. Девицу де Гарр искали долго, но безуспешно. Родители пропавшей уже заказали поминальную службу, но через четыре месяца, ранней весной, Жанна де Гарр вернулась...

К сожалению, именно в этом месте брат Умберто был немногословен. Девица де Гарр была подвергнута церковному покаянию, помирилась с родителями, с женихом, но... Но ничего не сообщила о том, где изволила пребывать все эти месяцы!

На полях, рукою Орсини, было выведено: «Д'Эконсбеф?» Что ж, очень может быть. Правда, ниже сказано, что девственность означенной Жанны была подтверждена, но знаем мы эти деревенские хитрости! По-видимому, обе семьи – и де Гарров, и Пуаньяков – хотели замять скандал. А может, некто – не д'Эконсбеф ли? – позаботился выплатить им несколько полновесных ливров...

Итак, свадьба. В положенное время – через девять месяцев – Жанна, теперь уже де Пуаньяк, родила ребенка мужского пола, крещенного в местной церкви и получившего имя Пелегрин. Три года прошли без особых происшествий, но ранней весной – опять весной! – в город Памье к монсеньору епископу приехали три монахини из монастыря Святой Агнессы, что неподалеку от славного города Милана. Среди них была сестра Цецилия, которая заявила епископу, что она и есть... Жанна де Гарр!

Я перевел дыхание и еще раз внимательно прочитал это место. «Которая и заявила епископу, что она и есть Жанна де Гарр». Да-а, очень впечатляет. Но

позвольте, как же так?

...Означенные монахини привезли с собой послание от архиепископа Миланского, где подтверждалась личность сестры Цецилии, в миру – Жанны де Гарр. Сестра Цецилия, не желая выходить замуж за Армана де Пуаньяка, предпочла бежать и, добравшись до Милана, обратилась в обитель Святой Агнессы, прося принять ее в сонм невест Христовых. При этом сестра Цецилия утверждала, что замуж ее хотели выдать насильно, более того, Арман де Пуаньяк уже был женат. Мать-аббатиса сочла сие объяснение достаточным. Три года сестра Цецилия мирно пребывала в монастыре, пока случайно не узнала о том, что происходит у нее на родине. Тогда она обратилась к аббатисе, та – к архиепископу...

...На полях Орсини пометил: «Почему Милан?» и «Доказательства двоеженства?» С доказательствами было туго. Арман де Пуаньяк, как пояснял брат Умберто, был не женат, а помолвлен, но его невеста утонула в озере незадолго до свадьбы. Да, не везет этому Арману с невестами, но это еще ничего не доказывает. Что касаясь Милана, то объяснений не последовало. Остается предположить, что девица де Гарр стремилась уехать подальше от дома, оказавшись вне юрисдикции как графа Тулузского, так и Его Величества Людовика Французского. Предосторожность нелишняя.

Дальше – больше. Сестру Цецилию немедленно опознали все – родители, соседи, бывший жених, приходской священник. Да-а, теперь понятно!.. Что сказал бы в этом случае досточтимый Петр Ломбардский[9 - Петр Ломбардский – богослов XII века. Его книга «Сентенции» способствовала усилению «охоты на ведьм».], с которым мы дискутируем уже лет десять? «Ищи ведьму!» И не только сказал, но и изложил все сие в опусе, который назвал «Сентенциями». Я бы переименовал его труд в «Бреденции», но, увы, отца Петра слушают, причем весьма внимательно...

Итак, местный суд посчитал, что жители Артигата были околдованы и совершили это... Стоп! «Местный суд»? Почему не епископ, не сеньор д'Эконсбеф?

Я быстро перечитал начальные абзацы донесения Умберто Лючини – и понял. Жители Артигата и соседних сел имеют древнюю привилегию – судиться

собственным судом. Епископ и сеньор могут вмешиваться лишь в случаях, когда суд покажет свою полную некомпетентность. К данному делу это, похоже, не относится...

Итак, местный суд привлек к дознанию некую вдову де Пио, жительницу означенного села, подозреваемую в ведовстве. Она вдова, будучи в сговоре с... А действительно, с кем? С женихом? С родителями Жанны? Итак, будучи в сговоре с кем-то, применила свои колдовские способности, придав неизвестной облик пропавшей девицы де Гарр. Возможности вдовы де Пио оказались достаточны для того, чтобы обман длился три года и закончился лишь с появлением подлинной Жанны.

Запахло горящим хворостом. Бедная вдова де Пио! Очевидно, кто-то хотел побыстрее закрыть это странное дело. Наверное, она лечила коров и выводила бородавки у детей. Ясное дело – ведьма! Говорил я отцу Петру, что такие книги, как его «Сентенции», ведут лишь к разжиганию инстинктов темного мужичья, но увы!.. Даже отец Бернар, пусть он и гипсовый, тоже понял, к чему ведут подобные теоретические изыски. Но отец Петр по-прежнему заготавливает хворост, и кому-то это очень нужно...

Вдове Пио было посвящено несколько объемных абзацев, украшенных тщательно выполненными рисунками. Брат Умберто постарался, перечисляя найденные у ведьмы неоспоримые доказательства ее злодейств. Ну конечно! Семь связок с грибами, старый веник и веник новый, горшок с неким зельем... Я вновь помянул отца Петра Ломбардского, как вдруг глаза скользнули по одному из рисунков. Табличка, вернее, осколок того, что когда-то было овальной табличкой. Странные, неровные значки... Я всмотрелся и покачал головой. Для провинциальных ведьмоловов это, конечно, доказательство. А вообще-то обычный полуунициал[10 - Полуунициал – шрифт, употреблявшийся в эпоху Римской империи и раннего Средневековья.], причем старый, нынешним грамотеям почти недоступный. Интересно, откуда это у почтенной вдовы?

Первая попытка прочесть оказалась неудачной. Я уже подумал, что брат Умберто – тоже из числа грамотеев, еле освоивших буквы, как вдруг в памяти стало всплывать нечто знакомое. Вначале показалось, что я брежу. Нет, не может быть! Я прочел еще раз, затем еще – и только тут увидел на полях знакомый почерк Его Высокопреосвященства. Он тоже заметил. Пометка гласила: «Овернский Клирик! Почему?»

«Овернский Клирик» – именно так я подписал свою книгу «Житие Святого Иринейя Лионского». Впрочем, в Риме быстро узнали имя автора, да я и не надеялся сохранить инкогнито. Орсини, поминая «покушение на ересь» назвал меня полным именем: брат Гильом из Сен-Дени, именовавшийся прежде Андре де Ту из Оверни. Графский титул он не упомянул, и я – о, суета сует! – в первый миг ощутил нечто вроде уязвленной гордости.

Я еще раз проглядел надпись и стал, не торопясь, читать дальше. Да, интересно. Особенно интересно, что сказала по этому поводу вдова Пио.

Оказывается, она ничего не сказала, оказавшись женщиной третьей. Вдова тут же потребовала сеньориального суда, сославшись на один из старинных кутюмов[11 - Кутюм – закон, точнее, раздел (параграф) закона.] Тулузского графства. К тому же добавила, что она – женщина благочестивая, чья преданность католической вере доказывается ее многолетней службой сеньору д'Эконсбефу. И незачем ее, почтенную вдову, обвинять в грехах дэргов...

Я перечитал еще раз: «обвинять в грехах дэргов...». Его Высокопреосвященство тоже заинтересовался этой деталью, поскольку на полях стояло уже знакомое: «Овернский Клирик!»

Так... Из всей этой путаницы становилось ясным одно важное обстоятельство. Вдова Пио была знакома с д'Эконсбефом еще до того, как он переехал в округ Памье. Возможно, табличка тоже как-то связана с этим знакомством. И вдова, ощущая, что запахло хворостом, поспешила дать сигнал. Иначе... Иначе она не отвечает за грехи дэргов!

Брат Умберто, составлявший отчет, тоже это уловил, ибо заметил, что одновременно арестованная Жанна, точнее, та, что себя за нее выдавала, потребовала сеньориального суда, опять-таки ссылаясь на старинный кутюм.

А еще говорят, что чудес больше не встречается! Две неграмотные крестьянки, едва ли знающие вообще, что такое кутюм, делают сильный и почти беспрюирышный ход, надеясь если не избежать, то отсрочить суд. Конечно, им это подсказали. Но кто?

Его Высокопреосвященство уже решил для себя эту задачу, ибо на полях стояло: «Д'Эконсбеф!» Может быть... Во всяком случае, логично. Обе женщины взывали

к тому, кто был в этом замешан, иначе они не станут молчать.

И тут наконец вмешался епископ. Его легисты[12 - Легисты – юристы, знатоки законов.] легко доказали, что кутюмы графства Тулузского никак не относятся к округу Памье, ибо тот находится в графстве Фуа, хотя и подчинен Тулузе. Но, очевидно, у арестованных все же хватило времени, чтобы обдумать защиту. Ибо как только обе они были вызваны в Памье к епископу, то вдова Пио решительно заявила, что ее оговорили, причем назвала соседей, с которыми у нее были какие-то свары из-за имущества, а та, что называла себя Жанной де Гарр, обвинила в самозванстве... сестру Цецилию! Кто-то очень умный и наблюдательный подсказал ей, что письмо от архиепископа Миланского снабжено несколько странной печатью...

Именно в этот момент брат Умберто прибыл в Памье. Вначале он пытался разобраться, вновь опросив свидетелей. Результат оказался двояким – показания менялись, и чаша весов склонялась на этот раз не в пользу сестры Цецилии. И тогда посланец Орсини рассудил, как он считал, здраво: арестовать не только сестру Цецилию, но и прибывших вместе с нею монахинь и вместе со всеми остальными отправить в Тулузу, чтобы получить в дальнейшем разрешение от графа Тулузского перенести разбирательства в Рим. Арест состоялся, но отправка почему-то задерживалась.

Сопоставив даты, я понял, что брат Умберто узнал что-то важное и решил вновь съездить в Артигат. Он отправил отчет и уехал.

Больше кардинальского посланца никто не видел...

Я еще раз перечитал подробности этого любопытного дела и пожалел, что отец Сугерий не отправил меня ловить рыбу куда-нибудь за Рейн, а еще лучше – за Эльбу. Совершенно очевидно, что за всем этим сумбуром крылось что-то вполне земное. И сие земное весьма вероятно имело местопребывание в замке сеньора Гуго д'Эконсбефа. Заниматься этим делом чрезвычайно не хотелось, вместе с тем я понял, почему Его Высокопреосвященство вспомнил обо мне. Оставалось узнать, чего он от меня хочет...

Отец Сугерий редко сидит на месте. Или стоит – меня всегда поражало, как он умудряется выстаивать литургию, особенно праздничную. Мы все привыкли, что отец аббат бегаёт, причем в буквальном смысле. Если предстоит беседа один на один, он приглашает гостя – или кого-то из братии – в свою келью, усаживает на знаменитое цветное одеяло, застилающее его ложе, и начинает бегать от окна к двери, разговаривая на ходу. Он как-то обмолвился, что если перестанет бегать, то мы можем заказывать ему мраморную плиту вместе с эпитафией.

Итак, отец Сугерий совершал свою обычную пробежку, а я сидел на том самом знаменитом одеяле. Знаменитым оно стало еще много лет назад, еще до того, как я попал в Сен-Дени. Братья-бенедиктинцы шепотом передавали друг другу, что новый аббат знаменитого монастыря накрывает свое ложе цветным – цветным, представляете! – одеялом. Конечно, устав Святого Бенедикта – вовсе не образец суровости, но цветное одеяло у аббата Сен-Дени! Велик соблазн для малых сих!

Отец Бернар в нашу первую встречу сразу же потребовал подробно описать келью отца Сугерия. Слушал он молча, и голубоватый гипс его лица дышал ледяным холодом. Я не мог умолчать об одеяле, но уже знал, что грозный голос из Клерво не прогремит, ибо привез от отца Сугерия согласие на отрешение от должности королевского сенешаля Этьенна де Гарланда – давнего недруга отца Бернара. Ради этого гипсовый истукан был согласен стерпеть многое – даже цветное одеяло...

То ли по забывчивости, то ли по другой причине, но Орсини не обязал меня хранить все слышанное от него в тайне. Поэтому мне было что рассказать отцу Сугерия, который вызвал меня сразу же по возвращении из Нотр-Дам-де-Шан, отправив предварительно Его Высокопреосвященство с визитом к молодому графу Корбею. Наследник под стать папаше – первым не нанесет визит даже кардиналу.

– Печально, печально, брат Гильом... – Отец Сугерий подбежал к окну и покачал головой. – Как не вовремя!..

– Да, отче, – согласно кивнул я.

– Мы как раз собирались ехать на заготовку леса для ремонта, – донеслось уже от двери.

– И смотреть эскизы нового алтаря, – подлил я масла в огонь.

– Алтаря! – Аббат на миг остановился и схватился за голову. – Ах, брат Гильом, я, конечно, уважаю желание Его Высокопреосвященства, но почему именно вас? Ах, говорил я вам, что вашу книгу!.. Ваша книга!..

Отец Сугерий сразу же уловил, в чем суть. Он действительно не советовал обнародовать «Житие Святого Иринея». Бог вещь, может, он и был прав.

– В округе Памье происходит нечто, по мнению Его Высокопреосвященства, не совсем обычное, – осторожно начал я. – По его высокоученому мнению, тут дело рук не только человеческих...

– Но почему туда надо посылать именно вас? – воскликнул отец Сугерий, вновь оказываясь у двери, и совершенно нелогично закончил: – Ах, брат Гильом, это все ваша книга!..

– В моем скромном труде я обратил внимание на мысль, высказанную Святым Иринеем в его знаменитом трактате «Пять книг против ересей» о том, что Церковь недооценивает мощь и влияние Врага рода человеческого. Что волею Творца тому, кого именовать здесь не будем, дано на земле больше власти, чем нам кажется. Святой Ириной писал о ведовстве, оборотнях, ламиях...

– Ламии! – отец Сугерий даже подпрыгнул. – Брат Гильом! Брат Гильом! Что вы говорите? Вся эта мерзкая нечисть, вами поминаемая, есть лишь следствие темных суеверий, как и сказано в каноне «Епископы»[13 - Канон (постановление) «Епископы» осуждал веру в нечистую силу. Вера в нечисть признавалась обычным суеверием. Преследование ведьм запрещалось.]!

Я невольно улыбнулся. В догматике отец Сугерий не особо силен. Вернее, силен как раз настолько, сколько требуется аббату, управляющему не только монастырем, но зачастую – всем Королевством Французским.

– Именно это я и решился написать в своей книге. Увы, Его Высокопреосвященство рассудил несколько иначе, не только восприняв, но и, так сказать, углубив мысли Святого Иринея. Он считает, что мы просто слепы и Враг рода человеческого уже открыто вышел на бой. Положениям канона «Епископы» он противопоставляет не только слова Иринея, но и мысли Оригена, Григория Назианина, Иоанна Дамаскина и ныне здравствующего отца Петра Ломбардского.

Аббат фыркнул – в оценке отца Петра и его творений мы с ним не расходились.

– Но тогда... – Отец Сугерий на миг остановился и недоуменно заморгал. – Зачем же посылать в этот, как его, прости господи, Памье вас, брат Гильом, если вы не разделяете его взглядов?

– Вероятно, чтобы меня разубедить, – я невольно усмехнулся. – К тому же, если я не справлюсь...

– Не говорите так! – Аббат взмахнул руками. – Его Высокопреосвященство – дворянин, он на такое не способен!

Отец Сугерий, по слухам – сын сапожника, все еще сохраняет какие-то иллюзии по отношению к сословию, к которому я когда-то принадлежал.

– Есть еще одно обстоятельство, – нерешительно заговорил я, думая, стоит ли сообщать об этом аббату. – В деле двух Жанн де Гарр есть нечто напоминающее некоторые эпизоды жития Иринея...

Отец Сугерий вновь моргнул и на мгновение замедлил ход, поравнявшись со мною:

– Помилуйте, добрый брат Гильом, неужели из-за сходства с историей сына купца из Массилии?

Вот уж не думал, что наш славный аббат настолько помнит мою книгу! Тем более история с сыном Авла Росция, купеческого сына из Массилии, была помещена в «Дополнениях», как явно апокрифическая.

– Истинно так, отче, – кивнул я. – Сходство имеется, хотя там речь шла об обмане еще более злокозненном, ибо в роли лже-Авла выступал сам Нечистый. Но дело не только в этом. В «Деяниях Ириней», кои я использовал, хотя и осудил за многие явные вымыслы, рассказана история об Иринее и колдунах-дэргах. Там приводятся их заклинания, которые автор «Деяний» не постыдился переписать...

– Дэрги, которые суть логры[14 - Логры – легендарный народ, живший в Камелоте, где правил король Артур.], – край ризы отца Сугерия прошелестел рядом со мною, но голос донесся уже от окна. Я, не удержавшись, улыбнулся.

– Лограми славного короля Артура посчитали дэргов жонглеры из Окситании. Скорее всего дэрги – один из друидских орденов, с которыми действительно сталкивался Святой Ириней. Но важно другое. У женщины, которую заподозрили в колдовстве, найдена небольшая каменная табличка с надписями. Это заклинания – те самые, что считаются дэргскими. Она и упомянула дэргов...

– Ах, зачем вам было переписывать такое! – воззвал отец аббат уже от двери. Я невольно пожал плечами.

– Я и не думал переписывать эту чертовщину...

Отец Сугерий на бегу перекрестился и погрозил мне пальцем.

– ...Но «Деяния Ириней» упомянул, а Его Высокопреосвященство оказался внимательным читателем. Эти «Деяния» имеются в библиотеке Болонского университета, где я работал. И вы верите, брат Гильом, что в округе Памье действует та же нечисть, с которой боролся Святой Ириней?

– Я верю, отче, что в округе Памье столкнулись дикие суеверия местных овцеводов с хитрыми замыслами кое-кого из числа людей весьма грамотных и просвещенных. Но Его Высокопреосвященство верит в иное. Он желает, чтобы я доказал присутствие в округе Памье самого Врага и подготовил показательный процесс.

Отец Сугерий замедлил ход, и я сообщил ему то, что услышал в завершение нашей беседы с Орсини, когда мы уже подъезжали к Сен-Дени.

– Пример Памье должен показать всей Церкви опасность происков Врага и послужить поводом к организации особой службы, подчиненной непосредственно Риму. Эта служба будет производить самостоятельное расследование случаев ведовства и ереси.

– Самостоятельная служба? – Аббат проговорил это медленно, но таким тоном, что я поспешил встать.

– Да, отче. Самостоятельная служба, которую в Риме хотят назвать Святейшим Обвинением[15 - «Обвинение» – «Inquisitio» (лат.). Иные значения – «следствие», «разыскание»]. Она будет выше местных церковных и... королевских властей.

– Королевских?

Отец Сугерий испуганно моргнул, но тут же его лицо изменилось. Глаза засветились недоброй усмешкой, губы скривились, щеки начали наливаться краской. Таким нашего добрейшего аббата мы видели редко, разве что в тех случаях, когда он получал послание из Парижа об очередной глупой затее нашего Христианнейшего Короля.

– Рим желает создать самостоятельную судебную систему на территории Королевства Французского!

– Не только во Франции, – попытался вставить я, – но и во всех католических...

– Королевства Французского! – упрямо повторил аббат, и глаза его блеснули молодым задором. – Этот итальянец, этот потомок горлорезов из Кампаньи...

Я решил выждать и просто полюбоваться отцом аббатом. Меня, да и всех остальных, всегда удивляло, как мог отец Сугерий, казалось, по уши увязший в перестройке главного Храма Сен-Дени, в склоках по поводу окрестных лесов, в ссорах с бравыми рубаками де Корбей, в собирании с миру по нитке жемчуга для Большой Дароносицы, управлять Королевством Французским. В Париже он бывал нечасто, даже письма посылал туда не каждую неделю...

– И это перед Крестовым походом, когда Его Величеству придется покинуть Францию, когда Ее Высочество, забыв о своем долге, готова предать интересы

королевства[16 - Король Людовик Толстый был в ссоре со своей невесткой Аленорой Аквитанской.], когда этот безбожный англичанин...

Аббат шумно вздохнул и сделал быстрый жест. Я не поверил своим глазам – такое могла показать торговка рыбой своей соседке в пылу ссоры. Очевидно, зрение начало подводить.

– Вот ему! – вновь показал аббат незримо Орсини, и я успокоился по поводу своих глаз. – Выкуси, италяшка!

Я попытался сдержать улыбку – уже в который раз, – и вновь безуспешно. Отец Сугерий перевел дух и вновь пустился в бег.

– Сегодня же напишу в Ключи... и отцу Бернару в Клерво... И, конечно, в Париж... Нет, в Париж я лучше поеду... Брат Гильом!

Аббат остановился и посмотрел мне прямо в глаза:

– Вы, конечно, помните, мой возлюбленный брат, что вы не только сын Святой Католической Церкви, но и верный подданный Его Величества.

Я кивнул, на этот раз без всякой улыбки:

– Да, отче. Я подданный толстяка Людовика и не забываю об этом. И я не для того оставил меч, чтобы сжигать людей на кострах.

– Истинно так, истинно так, брат Гильом! – бесконечный бег возобновился. – Такие, как этот италяшка, предпочитают убивать больных, вместо того чтобы бороться с болезнью!

Отец Сугерий продолжал совершать пробежку, а я невольно вспомнил письмо, которое он послал гипсовой статуе из Клерво. «Вы помните все заповеди Христовы, брат Бернар, кроме главной – возлюби ближнего своего». А ведь речь шла о том же Абеяре, которого любить у отца Сугерия нет особых причин...

– Но это вовсе не означает, – аббат, не прекращая бега, ткнул в мою сторону пухлым пальцем, – что вы должны проявлять мягкость или нерешительность при выполнении миссии, порученной вам Его Высокопреосвященством. Ежели непорядки в округе Памье действительно имеют место, то вы окажетесь достойным звания верного сына Сен-Дени!

Я вновь кивнул.

– Да-да! Будет очень важно, что непотребства в графстве Тулузском пресечет именно посланец Сен-Дени. Его Высокопреосвященство обещал наделить вас всеми полномочиями, я же в свою очередь напишу его светлости графу Тулузскому... Кроме того, вам понадобятся деньги...

– Монаху-бенедиктинцу достаточно чаши для подаваний, – не преминул вернуть я.

– ...И, возможно, немалые деньги, – пухлый пальчик вновь погрозил мне. – Я дам вам письмо одному ломбардцу. У него контора в Тулузе, и он мне кое-чем обязан. Кстати...

Аббат остановился, и тон его из делового стал несколько озабоченным:

– Его Высокопреосвященство намекнул, что поездка может быть несколько опасна. Мог, конечно, и не намекать! Ехать в это катарское логово!.. Отец Гильом, вы свято чтите и выполняете устав Святого Бенедикта, вы – образец для молодых братьев, но... Но ваша кольчуга и ваш меч по-прежнему хранятся в нашей часовне.

Свое оружие я отдал именно туда, не желая передавать его моему недостойному младшему брату. Отец Сугерий не возражал, чтобы меч, кольчуга и щит, побывавшие в Святой Земле, хранились в часовне. Иногда, не удержавшись, я приходил взглянуть на них, а пару раз даже притрагивался к знакомой рукояти...

– Думаю, грех не будет столь страшен. Если вас, брат Гильом, это волнует, то я приму этот грех на себя.

Соблазн был велик. Видят Господь и Святой Бенедикт, сколь он был велик! Но я сдержал себя:

– Нет, отче. Я клялся, что никогда не возьму в руки меч. Когда-то я не вступил в орден Святого Иоанна, потому что не хотел быть монахом с мечом в руках...

– Похвально, похвально, брат мой... – в голосе аббата прозвучало явное разочарование. – Меч – понятно, но, может, кольчуга? И кинжал... Небольшой... Ну, совсем маленький...

Я не выдержал и рассмеялся. Аббат вздохнул и на миг остановился у окна.

– Его Высокопреосвященство справедливо решил, что вам не следует ехать одному. Он высказал мудрое пожелание, чтобы вас сопровождал брат Петр из Нормандии, ибо заметил, сколь он предан и почтителен, а также сколь наделен от Господа разнообразными способностями.

Я задумался на мгновение и решил, что Орсини на этот раз рассудил здраво.

– Я, без сомнения, выполню пожелание Его Высокопреосвященства. Для брата Петра поездка будет небесполезна, ибо южнее Луары ему придется говорить исключительно на латыни.

Отец Сугерий хмыкнул – он до сих пор не мог поверить, что Пьер когда-нибудь научится изъясняться на каком-либо ином языке, кроме «ланг д'уи».

– Мы зачтем ему поездку как последний семестр в школе, брат Гильом. Более того, Его Высокопреосвященство намекнул, что в Окситании для нашего брата Петра вполне может найтись вдовствующий приход. Священник из Сен-Дени – это всегда хорошо.

– Истинно так, отче, – меня всегда поражало умение отца Сугерия извлекать выгоды из любой ситуации. – Мне почему-то кажется, что относительно брата Ансельма у Его Высокопреосвященства были несколько иные пожелания.

Аббат метнул на меня настороженный взгляд, но я не сдавался:

– Брат Петр щедро наделен от Господа способностями, которые пригодятся нам в путешествии. Но у брата Ансельма тоже имеются способности, хотя и иного рода. Мне понадобится грамотный помощник... И кроме того, мне кажется, что, пока Его Высокопреосвященство находится здесь, мальчику лучше быть от него подальше.

Отец Сугерий остановился и забарабанил пальцами по стене, что означало высшую степень неуверенности.

– Но, брат Гильом! Его Высокопреосвященство высказал ясное пожелание, чтобы брат Ансельм не покидал Сен-Дени...

– Тем больше оснований ему уехать, отче.

На лице аббата медленно проступила усмешка:

– Да будет так... Кстати, отец Гильом, если похвальное рвение к правилам нашего ордена не позволяет вам взять даже кинжал, то, может быть, вы все-таки наденете кольчугу?

5

С Орсини мне пришлось разговаривать еще дважды. Первый раз – вместе с отцом Сугерием, где я уже вполне официально получил распоряжение выехать в округ Памье как представитель Его Высокопреосвященства, и второй раз, один на один. Кардинал был немногословен и держался на удивление сухо. Впрочем, я вовсе не жаждал лицезреть его улыбку. Орсини, еще раз коротко объяснив суть моей миссии, вручил мне небольшой пергаментный свиток. Годы в Сен-Дени научили выдержке, но когда ладони коснулись пергамента, я вздрогнул. Его Высокопреосвященство наделял меня своей властью в округе Памье и в графствах Фуа и Тулузском. Теперь я мог все – наложить покаяние на весь округ, отправить на костер епископа, сровнять с землей главный храм Тулузы. Все – вплоть до интердикта[17 - Интердикт – отлучение от Церкви.]. Я становился не просто монахом из Сен-Дени и посланцем кардинала Орсини, а голосом и волей Его Святейшества. Конечно, я не собирался накладывать интердикт на

Окситанию, но сознание того, что и такое в моей власти, в первый миг оглушило. Орсини, кажется, понял, и по его холеному лицу впервые промелькнула усмешка. Наверное, чтобы дать мне время прийти в себя, он бегло пересказал свои возражения по поводу моего последнего письма, пообещав к моему возвращению подготовить небольшой трактат, посвященный нашему многолетнему спору о Святом Иринее. И вдруг мне показалось, что Его Высокопреосвященство твердо знает, что эта наша встреча – последняя и ему незачем изыскивать аргументы для продолжения нашего ученого спора. На миг стало страшно, но я переборол себя. В моей жизни бывали и более опасные поездки, чем эта. Так, во всяком случае, думалось в тот день...

Брата Петра я нашел на заднем дворе. Нормандец стоял рядом со штабелем заготовленных на зиму дров и лихо орудовал топором, закатав рукава ризы. Несколько братьев постарше с опаской глядели, как топор, словно живой, раз за разом обрушивается на толстое полено.

– Отец Гильом! – Пьер, на миг прекратив работу, повернулся ко мне. Могучая грудь дышала ровно и спокойно, словно он не тесал полено, а предавался послеобеденному отдыху.

– Брат Петр! Что вы делаете с этим ни в чем не повинным деревом? – спросил я, ибо сразу же увидел, что к колке дров это занятие не имеет ни малейшего отношения.

Нормандец взглянул на меня невинными глазами, мигнул и расплылся в усмешке.

– Посох, отец Гильом!

– Как? – искомый «посох» обещал быть ростом с самого брата Петра.

– Посох, – Пьер вновь моргнул. – Отец аббат велеть... велел мне иттить...

– Идти... – вздохнул я.

– Идти с вами и братом Ансельмом. Дорога длинная есть. Дорога неровная есть... Дорога опасная есть, – добавил он, чуть подумав.

Спорить я не стал – меч монаху не положен, но этакий «посох», да еще в ручищах Пьера, вполне может пригодиться. Да смилуется Господь над теми, кто угодит под изделие брата Петра!

– Отец Гильом! – Нормандец быстро огляделся и заговорил шепотом: – Утром я в деревне быть...

– Брат Петр! – не выдержал я. – Повнимательнее, пожалуйста!

Лоб нормандца зазмеился морщинами.

– Утром я... был в деревне. Там я... встретил человека некоего. Человек сей большой проходимец есть. Он предложить... предложил разное-всякое купить-продать...

Я взглянул на Пьера со всей возможной выразительностью – и тот окончательно смутился:

– Ну, отец Гильом! Ну, можно, я просто сказать?

– Дюжину «Радуйся» перед сном, – вздохнул я. – Вслух и без ошибок. Приду лично и проверю. Итак, некий проходимец предложил продать...

– Меч, отец Гильом! – глаза нормандца блеснули. – И кольчугу. И два кинжала. Совсем недорого!

Я прищурился, принявшись наблюдать, как Пьер вначале побледнел, затем начал краснеть. Мысленно я уже составил подходящую к случаю сентенцию – о правилах братьев-бенедиктинцев, о разнице между монахом и разбойником с большой дороги, а также об обязанностях будущего священника. Но в последний момент передумал – за благие, хотя и глупые, намерения грех судить строго.

– Дорога действительно опасная, – как можно мягче заметил я. – Но меч не поможет. Владеть им вы не умеете, а брат Ансельм – и подавно. Защитой нам

будут наши ризы и звание брата-бенедиктинца. Впрочем, если хотите, кольчугу я вам достану.

Физиономия Пьера медленно приобретала обычный вид. Наконец он улыбнулся:

- Спасибо, отец Гильом... Только тут еще одно есть... имеется...

Он замялся, затем с явной неохотой продолжил:

- Отец аббат говорить... говорил, что в округе Памьеусе...

- Памье, - улыбнулся я, - «ус» не надо.

- Памье... Нечисть всякая имеет есть... быть... Это нехорошо есть. Моя матушка говорила...

- Брат Петр! - воззвал я не без суровости. - Вспомните Святого Бенедикта, в орден которого вы вступили. Разве боялся он всяких бабок-ворожей? Вы - монах Сен-Дени!

- Так-то оно так, - неуверенно согласился Пьер. - Да только нечисть тамошняя... Из Памье... Она, говорят, нас не боится...

Я покачал головой. Такое приходилось уже слышать - святость действует лишь в ближней округе, а дальняя нечисть не обращает на гостей никакого внимания, если не хуже.

- Монаха Сен-Дени нечисть боится даже в земле серов[18 - Земля серов - Китай.], брат Петр!

- Ну да, ну да, - поспешно кивнул нормандец. - Только тут, в деревне, одна бабка имеется. У нее я амулет один присмотреть... присмотрел. Говорит, что против любого беса...

- Лягушачьи лапки? - поинтересовался я. - Или когти ее черного кота? Брат Петр!

Он вновь сник. Я хотел уже добавить к дюжине «Радуйся» еще столько же «Верую», но пожалел парня. Все, что видел он в жизни, – грязная деревня в Нормандии и суровые стены Сен-Дени. Окситания для Пьера – дальше, чем земля серов. Подумав, я посоветовал ему обратиться к кому-нибудь из братьев и одолжить ради такого случая что-нибудь подходящее – кипарисовые четки из Святой Земли или иконку, освященную в Риме. Пьер несколько успокоился, и я оставил его наедине с «посохом». Не грех поучить моего нормандца уму-разуму, но я вовремя вспомнил о брате Ансельме. Этот, конечно, «посох» вырубать не станет и в деревню за лягушачьими лапками не пойдет, но, как известно, в тихом омуте...

При моем появлении брат Ансельм сделал неувидимое движение, что-то пряча под одеялом. Больше прятать некуда – келья была, как и полагается, больше похожа на средних размеров склеп. Правда, некоторые братья умудрялись оборудовать превосходные тайники в стенах, но брат Ансельм еще зело молод и неопытен.

– Что там у вас, брат мой? – поинтересовался я самым невинным тоном.

– Н-ничего, отец Гильом, – твердо ответил паренек и моргнул, точь-в-точь как брат Петр.

Я задумался.

– После нашего разговора, брат Ансельм, вы отправитесь на задний двор и найдете брата Петра. Под его наблюдением до обеда будете колоть дрова. После обеда под его же наблюдением лично вырубите себе дорожный посох – он вам объяснит, что к чему. Затем принесете десять ведер воды. А теперь покажите то, что прячете.

Кинжал – прекрасная дамасская работа, золоченая рукоять, герб из цветной эмали. Я потрогал острие и едва не поранился – тот, кто точил оружие, знал свое дело.

– Это ваш герб, брат Ансельм? – поинтересовался я, разглядывая изображение аиста и непривычный девиз: «Мои крылья белы, как снег».

– Моего деда по матери. – Ансельм сжал губы. – Он подарил мне кинжал перед тем, как... Ну, в общем...

– У меня нет слов, брат Ансельм, – заметил я, хотя сказать было что. Хранение оружия в келье – тут десятью ведрами воды не отделаться! По всем правилам Ансельму светит монастырская тюрьма, причем надолго.

– Отец Гильом! – лицо парня побелело. – Этот кинжал освящен на Гробе Господнем! Мой дед брал Иерусалим вместе с Готфридом Бульонским!

– И тем не менее, брат Ансельм...

Мой меч, лежавший в часовне Сен-Дени, тоже освящен в Храме Гроба Господнего, где меня посвящали в рыцари, и у меня куда больше оснований не расставаться с ним. Но в тайнике, который я оборудовал в первый же год пребывания в Сен-Дени, хранятся совсем иные вещи...

– Между прочим, крылья аиста, по-моему, черные, – заметил я, разглядывая оружие.

Ансельм еле заметно пожал плечами:

– Герб моего деда пожалован его предку еще во времена короля Лотаря[19 - Король Лотарь – внук Карла Великого, правил в IX веке.].

– Едва ли. Насколько я помню, в те времена гербы имели несколько иной вид... Брат Ансельм, стоит ли объяснять вам, что мы не принадлежим к рыцарскому ордену? Мы всего лишь братья-бенедиктинцы.

– Ехать в Памье опасно, отец Гильом. Я уверен – там нам пригодится не только кинжал. Я бы не отказался от эскорта из полусотни латников.

– А вы не преувеличиваете, брат Ансельм?

Трусости за парнем раньше не замечалось, да и в его голосе не было страха. Итальянец не боялся – он знал, что говорит.

– Джованни Орсини любит посылать людей в западню. Он мастер по части мерзостей.

– По части мерзостей... – механически повторил я. – Брат Ансельм, вынужден заметить, что впервые услышал от вас неверное, более того, совершенно вульгарное выражение. Будьте сдержанней, прошу вас. Не судите Его Высокопреосвященство, и да не судимы будете. Даже если ваше прежнее с ним знакомство было не особо приятным.

Смуглое лицо Ансельма вспыхнуло, но он молча кивнул, не став возражать. Это не имело смысла – то, что они с Орсини знакомы, я сообразил еще в Нотр-Дам-де-Шан.

– К тому же вы мне нужны не как боец на кинжалах, а в другом качестве, брат Ансельм. После того как закончите носить воду, направляйтесь в библиотеку и прочитайте то, что я оставил для вас. Там свод кутюмов графства Тулузского и все, что отец-библиотекарь смог подобрать по округу Памье и графству Фуа. Кроме того, прошу ознакомиться с некоторыми другими документами – они вас тоже ждут. Главное выпишите на пергамент – вам оставят чистый свиток. Имейте в виду – у меня нет времени читать все это, и я рассчитываю исключительно на вашу молодую память.

Все документы я уже, конечно, прочел, более того, кое-что постарался запомнить дословно, но подобные невинные хитрости порой бывают полезны. Хотя бы для того, чтобы горячий парень из Италии на время забыл о колющих и режущих предметах.

– Работать придется ночью. Свечи вам выдадут. Утром побеседуем.

Ансельм на миг задумался, затем вновь кивнул:

– Да, отец Гильом. Вы... Вы рассчитываете раскрыть это дело?

Такого вопроса я не ожидал и чуть не ляпнул: «А как же!» – но вовремя сдержался. Лгать парню не стоит.

– Думаю, брат Ансельм, те, кто способствовал исчезновению брата Умберто, делали это, чтобы выиграть время. К нашему приезду они постараются замести все следы. Но мы сделаем все, что сможем... Кстати, возьмите с собой книгу – ее вам уже приготовили в библиотеке.

– «Ареопагитику»? – оживился Ансельм. – Вы хотели устроить диспут...

Я улыбнулся:

– Дионисием, епископом Афинским, мы с вами займемся по возвращении. С собой же вы возьмете «Светильник» Гонория Августодунского, книгу весьма поучительную, которую вам предстоит изучать вместе с братом Петром.

Физиономия Ансельма вытянулась, и я еле сдержался, чтобы не рассмеяться. «Светильник» предназначался для чтения в младших классах. Обычно его рекомендовали для закрепления навыков в латинском языке.

– Вы поможете брату Петру освоить эту душеполезную книгу. Надеюсь, она вам придется более по душе, чем писания грешного брата Абеяра.

Метнув эту парфянскую стрелу, я оставил Ансельма размышлять о философском смысле колки дров и таскания воды из колодца. Уже за дверью я с некоторым запозданием сообразил, что прямо не запретил парню брать с собой оружие. Но возвращаться не стал – пусть Ансельм поступает по своему разумению. В конце концов, отец аббат обещал взять грех на себя.

6

Отъезд был назначен на утро, и я, отстояв вечерню и получив разрешение не быть на всенощной, отправил Пьера и Ансельма спать. Этому меня научили еще в бытность оруженосцем – перед походом необходимо как следует выспаться. Уже командуя отрядом, я строго соблюдал правило – воины должны вовремя отдыхать. Порой это было нелегко. Молодые ребята, особенно из числа только что прибывших в Святую Землю, заводили долгие разговоры, вспоминая дом, а еще более – мечтая о завтрашних подвигах. Но я это пресекал, справедливо

заслужив репутацию человека сурового и нелюдимого. Годы в Сен-Дени не прибавили веселости, зато еще более научили ценить редкие минуты отдыха. Монаху не положено отдыхать, но перед дальней и опасной дорогой я просто обязан заставить моих ребят выспаться.

К сожалению, самому мне заснуть не удалось, хотя за последние годы я научился спать в любом месте и в любое время – как и положено монаху. Вначале хотелось еще раз продумать все, касающееся путешествия, вспомнить мелочи, которые обычно забываешь перед дорогой, восстановить в памяти некоторые важные подробности об округе Памье. Затем вспомнился – не к месту и не вовремя – Его Высокопреосвященство, его бредовая идея о Святейшем Обвинении, которое зажжет костры по всей Европе. Вероятно, его рвение вызвано не только соображениями, мною слышанными, но и тем, что он видит на посту Главного Обвинителя не кого-нибудь, а свою собственную скромную персону. О семье Орсини уже давно говорили всякое. Его Высокопреосвященство был, похоже, ее достойным представителем.

А затем, забывшись, начал вспоминать то, что было давно, что я запретил себе помнить, и это опасное путешествие увело меня далеко – слишком далеко...

Стук в дверь заставил вздрогнуть, затем вскочить. Перед поездкой меня не должны тревожить – отец Сугерий обещал лично позаботиться.

Стук – негромкий, но настойчивый – повторился. Я провел рукой по лицу и накинул ризу. Вообще-то в Сен-Дени входят без стука, но для некоторых братьев делают исключение. Я перекрестился, помянул Святого Бенедикта и открыл дверь. На меня взглянула сонная физиономия молоденького послушника.

– От-тец Гильом! – ко всему бедняга еще и заикался. – В-вас...

– Кто? – первым делом я подумал об аббате, затем – об Орсини.

– От-тец Эльфрик. Он... в-вас...

Вначале я подумал, что ослышался или мальчишка перепутал спросонья. Отец Эльфрик? А почему не мраморная статуя Святого Дионисия в главном Храме?

– З-з-зовет! – выдавил из себя послушник, и я наконец понял, что все-таки не ослышался.

...После приезда Его Высокопреосвященства я мог ожидать чего угодно, но все же не этого. Хотя бы потому, что отцу Эльфрику уже много лет нет никакого дела до суеты, которая, несмотря на все старания, заполняет Сен-Дени. Отцу Эльфрику вообще ни до чего нет дела – если, конечно, не считать главного, зачем мы и пришли в обитель.

Об отце Эльфрике я услышал еще до того, как переступил порог Сен-Дени. Рассказы – вернее, легенды – о великом затворнике ходили по всем монастырям Королевства Французского. Отец Эльфрик бросил вызов миру, но в отличие от большинства братьев сумел выстоять. Его не интересовали монастырские дела – и монастырские дразги, он не писал ученых трудов, не дегустировал знаменитые бенедиктинские вина. Рассказывали, что он, приняв постриг, сразу же закрылся в келье, проводя время в молитвах и суровом посте. И это продолжается не год, и не два, а уже сорок лет!

В отличие от большинства подобных легенд история отца Эльфрика оказалась полностью правдивой. Уже в Сен-Дени я узнал, что сорок лет назад в ворота обители постучался немолодой путник, пришедший неизвестно откуда. Его впустили, и он остался, чтобы стать живой легендой, одной из тех, на которых стоит наш орден. Затворник покидал келью лишь в великие праздники, и тогда все, кто был в храме, с почтением взирали на высокую, чуть сутулую фигуру в темной ризе с глубоким капюшоном, закрывавшим лицо. Отец Сугерий втайне уже распорядился записывать все рассказы о праведнике, ходившие среди братьев. Бог весть, не придется ли вскоре составлять жизнеописание нового святого?..

В келье отца Эльфрика я ни разу не бывал. Туда вообще никто не заходил, кроме аббата и отца Эрве. Поэтому я переступил порог не без смущения и некоторой опаски. Я совсем не знал затворника – и никто его не знал, – но чувствовал, что старый монах чем-то отличается от всех нас, суетящихся за стенами Сен-Дени.

– Я потревожил вас, брат Гильом, но вы, если не ошибаюсь, не спали.

Еще до того, как разглядеть темный силуэт, застывший возле узкого окошка, сквозь которое сочился ночной сумрак, я успел испытать некоторое удивление. Поразила речь – совершенно правильная, даже изысканная латынь. Почему-то думалось, что будущий святой изъясняется несколько иначе.

– Садитесь, брат Гильом, слева – ложе. Я неплохо вижу в темноте, но если хотите – зажгу лучину.

– Нет, не надо. – Я наконец-то оправился от смущения. – Я тоже вижу, но мне надо немного привыкнуть.

Темный силуэт качнулся – отец Эльфрик отошел от окна и оказался рядом.

– Вот как? Это редкий дар... У вас болит голова, брат Гильом?

– Что? – Я невольно поднес руку к ноющему с вечера виску.

Внезапно я почувствовал, как боль исчезает без следа. Захотелось немедленно перекреститься, но я сдержался, чтобы не обидеть старика. Казалось, он понял – в темноте слышался такой неожиданный в этих суровых стенах смех.

– Полно, брат Гильом! Извините, иногда забываю...

Что именно он забывает, отец Эльфрик уточнять не стал, а я не решился переспрашивать.

– Брат Гильом, вам предстоит трудный и опасный путь...

Отец Эльфрик сделал паузу, а меня посетила грешная мысль. Отец аббат обещал никому не рассказывать о нашей миссии...

– Не судите строго отца Сугерия. – Я вздрогнул, настолько слова затворника прились к месту. – Он очень беспокоится о вас. К сожалению, то, о чем он просит, выше моих скромных сил.

Просит? Наверное, отец аббат и сам начал верить в рассказы, ходившие об отце Эльфрике. Я почувствовал внезапное раздражение. Сейчас старик предложит

мне какой-нибудь амулет с коренным зубом Святой Екатерины...

– Теперь вы сердитесь на меня. – Отец Эльфрик покачал головой, и мне стало не по себе. – Понимаю! Предстоит разбираться в кознях епископа Памье и сеньора д'Эконсбефа, а тут среди ночи вам навязывает свое общество выживший из ума старикашка, сорок лет не выходивший за монастырскую ограду!

Глаза привыкли к темноте, и я уже мог разглядеть его. На этот раз он был не в ризе, а в простой рубахе, и лицо было открыто – худое, с резкими острыми чертами. Станным блеском светились глубоко посаженные, большие глаза. Затворник вовсе не выглядел старикашкой – а ведь ему должно быть не менее восьмидесяти.

– Отец Эльфрик, я...

– Не надо, – длинная худая рука нетерпеливо дернулась. – Не называйте меня так. Я – брат Эльфрик, такой же смиренный сын Сен-Дени, как и мы все. И я просил вас прийти вовсе не для того, чтобы вручить вервие, которым опоясывался Святой Ашель, дабы оно хранило вас от козней окситанской нечисти.

– Я бы не отказался, – мысль показалась забавной, но в глубине души все мы верим, что подобные детские чудеса случаются.

– Увы... Я не такой ученый человек, как вы, отец Гильом, но давно понял, что лишь Сила Божья может защитить от Врага. Но эту Силу не сохранишь в реликварии. Да пребудут с вами Господь и Святой Бенедикт!

Он осенил себя крестом, и я последовал его примеру. Наступила тишина. Мне показалось, что отец Эльфрик хочет сказать что-то важное. Хочет – но не решается.

– Брат Гильом, в беседе с отцом Сугерием вы упомянули дэргов.

– Да... – этого я уж совсем не ожидал. Какое дело затворнику из Сен-Дени до моих ученых штудий?

- Вы считаете, что дэрги – это тайная секта, сохранившаяся с давних времен?

- Сохранившаяся? – Я удивился еще более. – Брат Эльфрик, я не утверждал такого! Мне кажется, что дэрги – тайный орден, существовавший в первые века после Рождества Спасителя. От них сохранились предания, документы, надписи, но они сами...

- Дэрги существуют, – голос прозвучал тихо, и в первый миг мне почудилось, что я ослышался. – Они существуют, брат Гильом.

Конечно, следовало просто согласиться и не спорить со стариком, но привычка взяла верх:

- Простите, брат Эльфрик, но такое мне уже приходилось слышать. К сожалению, никаких доказательств не существует. Дэрги – это легенда, основанная на каких-то реальных, но уже забытых фактах.

- Забытых? – голос старика прозвучал печально. – Это верно, брат Гильом. Дэргов забыли, но они еще существуют. Это не секта и не орден. Это племя.

Я пожал плечами. Подобное тоже приходилось читать.

- Да, это племя – или народ, не знаю, как выразиться точнее. У этого племени странные обычаи и странные легенды, но они такие же – или почти такие же – люди, как и все прочие.

- Сами дэрги считали иначе. – Я вспомнил один старинный манускрипт, который нашел в скриптории Ключи. – В споре со Святым Иринеем один дэрг утверждал, что он – демон. Или даже бог. Будто он и другие дэрги повздорили с Юпитером и тот отправил их на Землю...

- Надеюсь, вы не придаете значения языческим бредням? – голос отца Эльфрика прозвучал сурово и резко. – Дэрги – обычные люди и в большинстве своем – добрые христиане. Их... нас крестил Святой Патрик, тот, кто принес свет Истины в Бретань и Ирландию.

- Нас?!

– Нас. Я – дэрг, брат Гильом.

Почему-то я поверил сразу. Может, причиной был голос – так не лгут. А может, о чем-то подобном я начал догадываться, как только старик упомянул дэргов.

– Сейчас нас осталось немного, но когда-то – еще до галлов – дэрги жили по всей Франции. Есть легенды, что они пришли из-за моря. Говорят, часть нашего народа отделилась и теперь обитает где-то далеко на Востоке. Всякое говорят, брат Гильом... Но я решил вам рассказать, что знаю и в чем уверен. Может, это сослужит вам службу.

– Спасибо, брат Эльфрик. – Я встал, но повелительный жест старика заставил вновь опуститься на жесткое деревянное ложе.

– Дэрги – обычный народ, но среди них действительно встречаются опасные колдуны. Очень опасные. Это не жалкие деревенские старухи, которые не страшны даже полуграмотному священнику. Может, это вообще не колдовство, а какое-то древнее знание. Будьте настороже, брат Гильом! Это действительно опасно. Настолько опасно, что иногда стоит замуровать себя в келье на всю жизнь, чтобы не причинить зла невинным людям...

– Вы... – Я оборвал себя, но брат Эльфрик, конечно, понял.

– Умному – достаточно, брат мой... Увы, я не могу вручить вам волшебный талисман или хотя бы непробиваемую рубашку, дабы защитить от удара ножом в спину. Но я когда-то был лекарем... У вас в последнее время стали уставать глаза.

Я кивнул. Годы, проведенные над рукописями, не прошли даром.

– Вот, – рядом со мною оказалась небольшая глиняная чаша. – Это настой из трав. Мне принес их отец Сугерий – он очень заботлив. Промойте глаза, брат Гильом.

– Сейчас? – удивился я. – Я признателен вам, брат Эльфрик, но...

– Уважьте старика.

Обижать затворника не хотелось, и я послушно обмакнул пальцы в холодную, пахнущую чем-то острым и незнакомым, воду. Отец Эльфрик протянул мне чистое полотенце.

– Это, конечно, не чудодейственная вода из грота в Лурде, но настой мне хорошо помогает. Вам сразу же станет легче. Прикройте веки и посидите несколько минут.

Я повиновался. Ощущение в самом деле было приятным – ни боли, ни жжения. Мне показалось, что по всему телу расходуется легкое, еле заметное тепло. Внезапно пальцы старика коснулись моего лица, затем – еще раз. Я удивился, но тут же понял – его рука начертила крест. Потом пальцы коснулись груди.

– Сейчас я прочитаю молитву, брат Гильом. – Это молитва Святого Патрика – она на языке дэргов. С этой молитвой он пришел к нам...

Слова прозвучали странно, но я тут же уловил что-то знакомое. Да, в древних рукописях я встречал нечто похожее – немногие фразы, что сохранились от дэргского наречия, столь не похожего ни на латынь, ни на греческий, ни на знакомый с детства овернский говор...

Пальцы старика начертили еще один крест – на моей груди. Внезапно почудилось, что сквозь закрытые веки я ощущаю свет – крест на моей груди светился. Нет, не крест – странная фигура, напоминающая неровное колесо. В этом тоже было что-то знакомое, уже виденное...

– Откройте глаза, брат Гильом.

Наверное, я уже освоился в темноте, а может, подействовал настой, но показалось, что в тесной келье посветлело. Отец Эльфрик сидел рядом, на его худом костистом лице была улыбка.

– Не буду вас больше задерживать, брат мой. Спасибо, что зашли к старику. Теперь вам надо поспать до утра.

– Едва ли я засну, брат Эльфрик, – возразил я, вставая. – К тому же скоро рассвет...

– Поспите, – голос отца Эльфрика вновь стал строгим. – И малый сон полезен. Впереди у вас трудное путешествие. Я плохо вижу будущее, но одно знаю твердо – в Сен-Дени вы уже не вернетесь прежним.

– Жаль, что вы не пророк, брат Эльфрик, – невольно усмехнулся я. – Хорошее пророчество мне бы не помешало.

– Жаль...

Старик отвернулся к окну. Я осторожно попятился к двери, но внезапно вновь услышал его голос – такой же строгий и даже суровый:

– Сейчас вы уснете и проснетесь бодрым и здоровым, брат Гильом. Если же Господь пошлет вам сон – постарайтесь его запомнить. Не все сны лгут...

Может, слова отца Эльфрика все-таки подействовали, а скорее всего я просто здорово устал за бессонную ночь. Во всяком случае, уснул я мгновенно и сразу же увидел серый песок и всадников в черных бурнусах...

Часовой вновь молчал, а я не мог крикнуть и молча смотрел, как враги приближаются к лагерю. И вот тишину разорвало знакомое: «Иллала-а-а!» – блеснули клинки – и тишина в ответ. Я один – вокруг лишь пустые панцири и брошенные на песок щиты. А всадники уже в лагере, кровные жеребцы легко преодолевают заслон из телег, а я все еще не могу крикнуть. Рука ищет меч, но вместо него хватает серый холодный песок. И вот прямо перед глазами в землю ударяют золоченые копыта. Имадеддин ибн Хаккаб, атабек Мосульский, поигрывает саблей, и на его мальчишеском лице я замечаю удивление и что-то похожее на плохо скрываемый страх.

– Андре де Ту! Я пришел убить тебя, ибо твои друзья нарушили договор, который мы подписали. Ты клялся своей жизнью...

Отвечать нечего – атабек прав. Но почему он испуган?

– Я пришел убить тебя, рыцарь, но нашел старика в белой хламиде. Какие демоны побывали здесь?

Я начинаю понимать – на мне вместо доспехов белая риза бенедиктинца.

– Это время, – слова наконец-то приходят на язык. – Время никого не щадит. Оно беспощадней, чем ты, атабек...

Смех – юное лицо Имадеддина совсем близко, он спрыгивает с коня и отбрасывает в сторону кривую саблю.

– Выходит, ты еще раз обманул меня, рыцарь! Ты даже не дал мне отомстить – что толку рубить бессильного монаха? Когда-то мы клялись друг другу, что забудем вражду, и ради своей клятвы я пришлю к тебе Белого Рыцаря...

Лицо атабека внезапно исчезает, и вместо него я вижу другое – такое же юное, незнакомое, но почему-то напоминающее о чем-то давнем, забытом, казалось, навсегда. Я вглядываюсь – но вокруг нет ничего, кроме серого песка и темных силуэтов, исчезающих на горизонте...

Авентюра вторая

О том, кого можно встретить по пути из Тулузы в Памье

1

Я послал брата Петра на рынок за припасами – и сразу же понял, что допустил ошибку. Конечно, в зелени и рыбе он разбирается, но еще при въезде в Тулузу мы решили купить кувшин хорошего вина, чтобы, как скромно выражаются в Сен-Дени, прочистить горло от дорожной пыли. В рвении Пьера я не сомневался, равно как и в том, что на тулузском рынке можно купить вино лучших виноградников Окситании. Но откуда нормандцу знать, какое вино хорошее, а какое – нет? Представляю, что они там пьют возле Руана! Здешним торговцам дай только почувствовать слабину – мигом обдурят, будь ты хоть самым архиепископом.

Мы с братом Ансельмом расположились неподалеку от рынка, где местные крестьяне выгружали подводы, и, присев на какие-то мраморные обломки, уже успевшие врасти в землю, с нетерпением ожидали Пьера. Конечно, можно было завернуть в ближайшую харчевню, но отпугнула грязь и запах лука, который преследовал нас от самой Луары. Без лука в Окситании не готовят, по-моему, даже знаменитый медовый напиток. Иногда к запаху лука добавляется аромат чеснока – и тогда воздух Окситании становится поистине целебным.

– Эх! – наконец не выдержал я. – Надо было самому идти!

– Помилуйте, отец Гильом, – отозвался Ансельм самым невинным голосом. – Брат Петр прекрасно разбирается в луке...

Я чуть не подавился, поскольку на лук уже смотреть не мог, а вдыхать его аромат – тем более.

– Если он принесет лук, брат Ансельм, и если вино окажется скверным, я наложу на вас епитимью – семь луковиц в день попеременно с чтением «Светильника».

– А меня-то за что? – невинно моргнул парень, и я мысленно увеличил число луковиц до дюжины.

Пьер появился вовремя, ибо я уже собирался начать экзекуцию над Ансельмом, заставив его читать вслух очередной раздел из Гонория Августодунского. На эту душеполезную книгу итальянец уже не мог смотреть без содрогания. Конечно, «Светильник» в больших дозах невыносим, но я твердо знал, что брату Ансельму следует научиться смирять гордыню, а брату Петру – подтянуть латынь. Для обеих этих целей книга вполне годилась.

Брат Петр довольно ухмылялся, а я не без содрогания ждал, что он выложит на старую холстину, заменявшую нам скатерть. Жареная рыба, сыр, хлеб, кажется свежий, зеленые листья салата... Лука, хвала Святому Бенедикту, нет. И вот, наконец, кувшин. Я вздохнул:

– Брат Петр, пробовали ли вы вино, прежде чем купить?

– Да, отец Гильом.

Прозвучало не особо уверенно. Я вновь не смог удержать вздоха:

– И... как вам оно?

– Лишь аббат с приором, двое, пьют винцо – и недурное, – печально отозвался нормандец, – но иное, но худое грустно тянет братия...

– Как?!

Успехи в латинском языке были очевидны. И раньше Пьер любил всякие присказки, но теперь отмачивал их не на нормандском наречии, а на языке Вергилия.

– Языку и чреву благо, где твоя излита влага...

Не выдержав, я схватил кувшин и осторожно нюхнул. Затем попробовал. Потом еще раз попробовал...

– А мне можно, отец Гильом?

Ансельм, вероятно, уже почувствовав что-то, нетерпеливо подсел поближе.

– Да... – сказать было нечего. Нормандец продолжал удивлять. Но если латынь и латинские присказки еще можно отнести на счет брата Ансельма, то такое вино...

– Землячку встретил, – лапища Пьера уже тянулась к рыбе. – Она тут все знает. Ейный отец...

– Ее отец, – механически поправил я, и тут до меня наконец дошло: – И сколь юна эта ваша землячка, брат Петр?

Нормандец отдернул руку и застыл, сообразив, что сказал лишку:

– Она... Девица... Юница сия... С отцом... Она вино показать... Ее отец торговать скот...

– Паствой резвою своей правила пастушка, и покорно шли за ней козлик да телушка, – вполголоса прокомментировал Ансельм. – У пастушки, как пожар, на лице румянец... Вдруг навстречу ей школяр...

– О Святой Бенедикт! – воззвал я. – Ну что мне с вами делать, братья?

А что было делать? Наверное, и сам Святой Бенедикт растерялся бы...

– Благословите трапезу, отец Гильом, – как ни в чем не бывало предложил Ансельм, и я, вздохнув в третий раз, последовал его совету.

В славном городе Тулузе мы оказались даже быстрее, чем я предполагал. Признаться, дороги Королевства Французского не располагают к быстрому путешествию. Они вообще не располагают к путешествию, если, конечно, вы не сеньор, который может себе позволить портшез и сотню латников конвоя, или не скромный монах, знающий, что такое «клюдийская тропа».

Земля французская с давних веков богата монастырями, но после того, как два века назад братья из Клюдни начали основывать обитель за обителью, пожалуй, трудно найти район, кроме диких пустошей Бретани, где один монастырь отстоит от другого дальше чем на дневной переход. После этого смиренным братьям не требуются больше столбовые дороги. «Клюдийская тропа» охватывает практически все Королевство Французское, и бенедиктинцы, клудийцы, равно как и братья иных орденов, получили возможность путешествовать со всеми удобствами, причем с гарантированным ночлегом, ужином и, если требуется, соблюдением тайны. По «клюдийской тропе» легко обойти большие города или замки, где поджидают нежелательные знакомства. Более того! Наши уставы, включая и устав Святого Бенедикта, не рекомендуют братьям ездить верхом. Им положено следовать примеру Апостолов, что мы и делаем, но... Но почти всегда, когда выходишь поутру из ворот монастыря, встречаешь повозку, идущую в нужном направлении, хозяин которой никогда не откажется подвезти путешествующих братьев. Кто-то окрестил этот способ путешествия «стой-телега». Название, несмотря на жуткий вульгаризм, быстро прижилось.

Так, пешком, а чаще «стой-телегой», мы быстро и без проблем добрались до Осера, затем до Везеле, Ла Шарите и Совиньи. В Клюдни заходить не стали –

место слишком людное, а мне не хотелось вызывать лишние пересуды.

От Совиньи путь вел к обители в Муассаке, но меня все время тянуло свернуть налево. Там, всего в паре переходов, начиналась Овернь, моя Овернь, где знакома каждая тропинка, где небо кажется более голубым, а вода из горных ручейков – сладкой, как мед. Но я сдержался. В замке Ту давно хозяйничает мой младший брат, с которым мы никогда не ладили, да и что делать под родным кровом? Я не был там слишком долго, и стены фамильного замка покажутся мне сводами склепа. Меня забыли – и жаль, что я ничего не забыл...

И вот Тулуза, откуда рукой подать до Памье. Но прежде чем ехать к предгорьям Пиренеев, предстояло кое-что выяснить в столице графства. Кто знает, не отсюда ли тянется паутина, в которой запутались мирные обыватели из Артигата?

Чтобы брату Петру жизнь не показалась слишком легкой, я заставил его после трапезы прочитать благодарственную молитву, причем вслух и с выражением. Заметив ошибку – прямо скажем, не особо существенную, – я велел прочитать молитву еще трижды, а затем – также вслух – просклонять никак не удававшееся ему слово. Несколько удовлетворив свое чувство справедливости, я решил заняться братом Ансельмом, дабы тот не обучал наивного нормандца тому, чему не велено, но нахальный парень опередил меня, поинтересовавшись нашими дальнейшими планами.

– Брат мой! – отвечивал я, соображая, чем бы озадачить излишне жизнерадостного Ансельма. – План ваш состоит в том, чтобы смиренно – слышите! – смиренно исполнять приказы отцов ваших духовных.

– Истинно так, отец Гильом. – Парень лицемерно вздохнул. – И да будет воспитуемый, словно труп, в руках воспитателя...[20 - В дальнейшем – одно из правил иезуитов.]

Меня передернуло.

– Брат Ансельм, где вы слышали подобную мерзость?

На его лице появилась кривая усмешка:

– В Риме, отец Гильом. От одного испанского кардинала. Он был весьма недоволен недостатком почтительности к отцам духовным... Кстати, графа нет в Тулузе.

Наверное, вид у меня стал весьма ошеломленный, поскольку негодник Ансельм вновь улыбнулся, на этот раз своей обычной улыбкой, и пояснил:

– Я услышал это у ворот, пока мы ждали, когда откроют. Один стражник сказал другому... Граф два дня как уехал на охоту, его ждут не скоро.

У парня оказался острый слух и вдобавок умение вовремя вставить нужное слово. А вообще-то мог сказать и сразу, умник!

– Точно нет, – поддержал Ансельма нормандец. – Я на рынке узнать... узнал. Мне это сказала... торговец скотом...

– Сказал торговец скотом, – поправил я, сделав вид, что ничего не заметил. – Итак, Его Светлости нет в городе.

– Вы пойдете к архиепископу? – негромко поинтересовался Ансельм.

Отец Сугерий, человек предусмотрительный, снабдил меня письмом не только к графу, но и к Его Преосвященству, но я невольно задумался.

– Архиепископ Рене – не тот человек, к которому стоит...

– Брат Ансельм! – Я предостерегающе поднял руку. – Я, кажется, уже просил вас не высказывать подобные суждения о князьях Церкви...

– Грешен, отец Гильом... Вы, конечно, правы – монсеньор Рене – пастырь, ведомый всему миру своей неподкупностью, нежеланием приближать своих родичей к управлению епархией и, главное, любовью к ближнему своему.

– Ну и хорошо! – удивился Пьер, уловивший какое-то несоответствие в словах и тоне, которым они произнесены. – А то я слышал, что он с этими...

отроковицами...

Я еле удержался, чтобы не ухватить их обоих за уши. Впрочем, мне самому приходилось слышать о монсеньоре Рене и нечто похуже.

- Неподкупность Его Преосвященства, – осторожно начал я, – увы, мало чем отличается от неподкупности иных, весьма достойных иереев. Его родичи... К сожалению, и это встречается часто...

- А! – понимающе кивнул Пьер. – Эта, как ее? Содомия!

Ансельм моргнул и, не удержавшись, рухнул на траву, задыхаясь от смеха. Пьер недоумевающе уставился на корчившегося в конвульсиях итальянца и повернулся ко мне.

- Не содомия, а симония, брат Петр, – пояснил я как можно спокойнее. – От имени Симона Мага, который пытался купить у Апостолов Духа Святого. А содомия – от названия города...

- Ну, да... – растерялся нормандец. – Я думать... думал, что они в Содоме этим и занимались...

- Не надо! – выдал из себя Ансельм, тщетно пытаясь встать. – Умру!

Новый приступ смеха опрокинул его на траву.

- А чем они в Содоме занимались? – начал было Пьер, но мне пришлось пресечь его законное любопытство, дабы не погубить достойного брата Ансельма всеконечно. Отсмеявшись, тот наконец вновь принял вертикальное положение и долго вытирал слезы.

- Так вот, о Его Преосвященстве, – продолжил я. – К сожалению, его... гм-гм... любовь к ближним действительно хорошо известна. Более того, известно и другое...

- Что он тайный катар, – уже без всякого смеха заметил Ансельм.

Пьер широко открыл рот, затем нахмурился и придвинул ближе свой «посох», до этого мирно лежавший в стороне. Я покачал головой:

– Скажем осторожнее – он не особо радует о борьбе с этой богопротивной ересью. Но церковная субординация требует, чтобы мы представились монсеньору Рене. Кроме того, у нас в Тулузе есть и другие дела. Надо получить деньги у ломбардца и выяснить, где сейчас находятся арестованные. Они давно должны быть здесь.

– Для этого незачем ходить к архиепископу, – возразил Ансельм. – Деньги получить надо, а все остальное я могу узнать сам.

– Точно, – поддержал его Пьер. – Я тоже сходить... схожу на рынок и поспрашивать...

– У торговца скотом, – кивнул итальянец.

Брат Петр вновь смутился и принялся сосредоточенно приглаживать свою отросшую за последние недели рыжеватую шевелюру.

– Итак, идем к архиепископу, – заключил я. – Отец Сугерий просит его в письме ознакомить нас с обстановкой в графстве. Округ Памье до недавнего времени считался спокойным, там даже катары никак себя не проявили.

– Так чего к архиепископу идти? – удивился простодушный Пьер. – Надо у этих катаров и спросить!

Я поглядел на брата Петра, после чего тот покраснел, затем начал бледнеть. Уже собираясь высказаться, я вдруг поймал себя на мысли, что нормандец в чем-то прав.

– Я бы не отказался, брат Петр. Но едва ли их вожди захотят со мной встретиться.

Нормандец при этих словах облегченно вздохнул, и его физиономия постепенно приобрела естественный цвет.

– Ну, а мы их попросить! – бодро заявил он и погладил свой «посох».

...Это незатейливое изделие уже сослужило нам неплохую службу. На дороге из Везеле в Ла Шарите к повозке, на которой мы ехали, подошли четверо мрачного вида оборванцев, поджидавших своего часа в дорожной канаве. Хозяин повозки уже собирался убежать в лес, спасая свое брненное тело, но брат Петр достал «посох» и несколько раз покрутил им над головой. Этого хватило – поднялся ветер, мгновенно сдувший незваных гостей с дороги...

– Отец Гильом, вы в самом деле хотите поговорить с руководством катаров? – негромко поинтересовался Ансельм. Спрашивал он столь серьезным тоном, что я невольно помедлил, стараясь правильно подобрать слова.

– Пожалуй, да. Я уверен, что катары – не разбойники и не убийцы. Они не захотят, чтобы в округе Памье и во всей Окситании запылали костры. Но едва ли они пожелают говорить с посланцем кардинала Орсини...

2

Архиепископский дворец находился на главной площади Тулузы, буквально кишевшей разнообразной публикой. Монсеньор Рене еще не принимал, и двери его обители оказались запертыми. Довольно быстро я выяснил, что желающих попасть туда немало и мне придется ждать своей очереди до вечера, если не до завтрашнего утра. Конечно, со мной был пергаментный свиток, открывавший любые двери, но я не спешил показывать документ, врученный Его Высокопреосвященством. Дабы братья Петр и Ансельм не изнывали от скуки, я отправил их прогуляться, посоветовав зайти в знаменитый собор Святого Константа, известный своими прекрасными мраморными статуями. Пьер охотно согласился, но направился почему-то в сторону рынка. Куда пошел брат Ансельм, я так и не сумел заметить – парень мгновенно растворился в шумной толпе.

Время шло медленно. Я держался поближе ко входу во дворец, прислушиваясь к певучей окситанской речи. Иногда так можно узнать немало любопытного, но на этот раз мне не повезло. Те, кто ожидал приема у монсеньора Рене, толковали о разных мелких делишках, а также о том, сколько придется заплатить секретарю

за встречу с Его Преосвященством. Как я понял, в последнее время цены выросли. Слушать такое неприятно, но в этом отношении секретарь архиепископа поступает вполне в духе традиции, и хорошо, если берет лишь за прием, а не за что-то более существенное. В общем, становилось скучно, и я начал жалеть, что отослал молодых людей. Самое время проверить, как они усвоили очередную главу из «Светильника»...

Внезапно толпа зашумела. Вдалеке послышался резкий звук охотничьего рога. Застучали копыта, люди начали быстро подаваться в стороны, освобождая проход. Над толпой мелькнули перья – несколько всадников рысью мчали к ступеням дворца. Меня оттеснили в сторону, я смог заметить лишь цветные шапки и загорелые бородатые лица.

По толпе прошелестел вздох удивления, затем посыпались громкие фразы на «ланг д'ок». Уже через минуту я понял, что всадники в шапках – ловчие графа Тулузского, которые привезли от Его Светлости подарок Его Преосвященству. Еще через минуту я узнал причину всеобщего любопытства. Подарок оказался необычным – здоровенный волк, которого охотники изловили живьем и теперь волокли на цепях пред светлы очи монсеньора Рене. В последние недели, несмотря на то, что стояло лето, окрестные волки изрядно обнаглели, и охотничий успех графа вызвал всеобщий энтузиазм.

Поскольку иных развлечений не намечалось, я, ведомый греховным любопытством, принялся пробираться поближе, дабы взглянуть на трофей. В нашей Оверни полно серых разбойников, и мой отец неоднократно брал меня на охоту. Одну волчью шкуру – огромную, необычного черного цвета – я захватил с собой в Палестину, а после подарил атабеку Имадеддину, чем вызвал у него настоящий восторг. Атабек – заядлый охотник, но черные волки водятся только в Оверни.

Пробираться через толпу пришлось долго, но наконец я оказался во втором ряду и осторожно заглянул через плечо здоровенного верзилы, что-то громко говорившего своему соседу. Кажется, он жаловался на все тех же волков, утащивших прошлой зимой его овец.

Вначале я заметил всадников. Их было четверо, они красовались на своих крепких жеребцах, переговариваясь с толпой. Ловчие расположились квадратом, к центру которого вели тонкие железные цепи. Очевидно, там и находился пленник. Я вытянул шею, привстал на цыпочки – и отшатнулся.

Это был не волк. То, что стояло на четвереньках в железном ошейнике, к которому тянулись цепи, выглядело страшно, жутко – но это существо никогда не было зверем. Спутанные волосы, разорванная ударами бича кожа, безумный взгляд остановившихся глаз, пена на искусанных губах... Человек! Вернее, это существо когда-то было человеком. Теперь «это», чему я не мог подобрать имени, стояло на четвереньках и тихо выло, поматывая головой. Я заметил на глазах у несчастного слезы, но не слезы боли или обиды – так мог плакать только безумец...

Я перекрестился, провел ладонью по лицу и вновь взглянул. Нет, не привиделось. «Это» стояло совсем близко, и я заметил на его шее почти скрытый длинными спутанными волосами нательный крест.

Толпа вокруг шумела, меня несколько раз крепко пихнули желающие протиснуться поближе, но я не реагировал, пытаюсь понять, что происходит. Кто-то безумен – или я, или все окружающие. Я вижу несчастного в ошейнике, они...

– Простите, добрый человек, – я наконец-то обрел дар речи и тронул за плечо стоявшего передо мной верзилу.

– Чего? – буркнул он весьма недружелюбно, обернулся – и тут заметил мою ризу. – Простите, отец...

– У вас часто встречаются такие... звери?..

– А? – парень мгновение раздумывал. – А чего! Они того... И встречаются. Вот давеча...

Он повернулся в сторону всадников и внезапно замер. Я услышал сдавленное: «А-а-а-а...»

– Что случилось?.. – начал я, но верзила тыкнул рукой вперед и выдохнул:

– Кровь Христова! Оборотень!

Я вздрогнул, но тут же почувствовал нечто похожее на облегчение. Я не сошел с ума. Во всяком случае, не я один. Я убрал руку с плеча верзилы, собираясь вновь перекреститься, как вдруг тот отшатнулся, чуть не сбив меня с ног:

– Волк! Снова волк! Святой отец, защитите!

Я положил руку ему на плечо, надеясь успокоить, но детина уже орал:

– Снова оборотень! Кровь Христова! Оборотень!

И тут я начал что-то понимать. Я вижу человека, остальные – волка. Но как только я касаюсь кого-то...

На всякий случай я отодвинулся подальше, оставив очумевшего верзилу объясняться с ничего не понимающими соседями. Оборотень? Конечно, приходилось слышать о таком – подобные сказки вам расскажут в любой деревне, но увидеть своими глазами!.. Но тут же я вспомнил – крестик! Даже отец Петр Ломбардский никогда не поверит в оборотня с крестом на груди!

Я беспомощно оглянулся, проклиная себя за то, что отпустил Пьера и особенно Ансельма. Хладнокровие этого паренька пришлось бы очень к месту. Толпа продолжала шуметь, и я понял, что меня попросту не услышат. Да и что я смогу сделать? Подходить к каждому, объяснять, класть руки на плечо?

Мелькнула мысль немедленно идти к архиепископу. Я уже начал пробираться через толпу, нащупывая под ризой свиток, открывающий все двери, но вовремя остановился. «Волка» прислали в подарок – в подарок монсеньору Рене. И прислал Его Светлость – власть светская власти духовной...

Я вновь оглянулся, надеясь, что кто-то из моих ребят уже возвращается, и тут взгляд зацепился за знакомый белый цвет. Белая риза! Я сделал шаг вперед и понял: это не Ансельм, не Пьер – незнакомый монах, уже пожилой, с большим наперсным крестом на груди. Подумав несколько мгновений, я решился и поспешил к нему:

– Приветствую тебя, брат!..

Он тоже заметил меня. У монаха оказался типичный окситанский выговор и характерное для южан «ты» – так они обращаются даже к епископам.

– Рад вас видеть, – я замешкался, подбирая слова на «ланг д'ок». – Я – брат Гильом из Сен-Дени.

– Брат Джауфре... Что-то случилось?

– Мне... – на миг я вновь ощутил неуверенность. – Мне нужна ваша помощь. Вы здешний, брат Джауфре?

– Да, – в голосе окситанца звучало удивление. – Я из монастыря Святого Креста.

Я кивнул – обитель Святого Креста находилась в самом городе.

– Извините, брат Джауфре, вы... Вас здесь знают?

Он улыбнулся:

– Я лишь смиренный раб Божий, как и все мы... Но, надеюсь, кое-кому известен. Я приор нашей обители.

Я скользнул взглядом по наперсному кресту и обругал себя за недогадливость.

– Извините, отче... Наверное, только вы можете мне помочь. Прошу вас, пойдете...

Окситанец кивнул и, ничего не спрашивая, направился вслед за мною к архиепископским дверям. Перед нами расступались, некоторые склоняли головы, и я понял, что приора Джауфре здесь действительно знают.

Знакомого верзилы на месте не оказалось – вероятно, вид «оборотня» подействовал на него излишне сильно. Нас пропустили в первый ряд. Я быстро взглянул вперед – нет, мне не привиделось. Несчастный был на месте, но уже не стоял, а лежал на мостовой. Нательный крестик валялся в пыли, чуть прикрытый распущенными волосами. По избитому телу пробежала дрожь, в тихом вое слышались какие-то непонятные, странные слова.

– Вы... Отче, вы видите этого волка?

Наверное, мой вопрос прозвучал необычно, поскольку брат Джауфре несколько раз внимательно поглядел на охотничью добычу графа, прежде чем утвердительно кивнуть.

– А теперь... Да поможет нам Святой Бенедикт!

Я легко коснулся его плеча. Послышался сдавленный вздох, рука окситанца дернулась ко лбу, глаза блеснули.

– Вы видите? Вы видите, отче?

– О Господи... Фирмен Мори!

Я отнял руку, и перст брата Джауфре застыл у груди. Тонкие губы сжались и побелели.

– Волк... Брат Гильом, что это значит?

Я вновь коснулся его плеча.

– Я увидел... Если я дотронусь до вас, вы тоже можете увидеть... Фирмен Мори – кто это?

Окситанец минуту помолчал, затем рука вновь поднялась в крестном знамении. Наконец губы дрогнули:

– Фирмен Мори, сын городского старшины... Он давно в ссоре с Его Преосвященством. Тот обвинил его в ереси, а Фирмен заявил, что монсеньор требовал от него мзды, дабы замять дело. Неделю назад этот юноша исчез, его до сих пор ищут...

– Нашли. – Я отпустил его плечо, и брат Джауфре медленно закрыл глаза.

– Спасибо вам, брат Гильом... Говорят, в любом городе всегда найдется несколько праведников. Но в Тулузе их, похоже, не осталось, и хвала Господу, что вы покинули стены Сен-Дени.

– Но что делать? – поторопил я. – Сейчас этого несчастного отведут в зверинец.

– Не отведут. – Глаза окситанца были вновь открыты, во взгляде блеснула сила и уверенность. Рука неторопливо сняла с шеи наперсный крест.

– Брат Гильом, будьте рядом...

Я кивнул, пытаюсь догадаться, что он задумал. Брат Джауфре мгновение помедлил, затем шагнул вперед, поднимая крест.

– Дети мои!

Голос прозвучал неожиданно громко, и на мгновение настала мертвая тишина. Окситанец обвел взглядом толпу и уверенно продолжил:

– Дети мои! Я – смиренный брат Джауфре из обители Святого Креста За Стенами. Вы узнаете меня?

Толпа зашумела, люди удивленно переглядывались.

– Отец приор! Отец приор! Приор из Святого Креста!

Окситанец удовлетворенно улыбнулся, но тут же лицо его вновь стало суровым.

– Дети мои! Слушайте меня и делайте, как я велю! Положите руки на плечи друг другу или возьмитесь за руки...

Я начал понимать. Тулузцы, не подозревавшие ни о чем, стали удивленно переглядываться, слышались смешки, но авторитет приора из обители Святого Креста был велик – люди повиновались. Через минуту толпа стала походить на танцоров, готовых начать весенний хоровод. Наверное, эта мысль пришла в голову не только мне.

– Отец приор! – крикнул кто-то. – Музыкантов звать?

– Музыкантов! – послышался хохот. – Спляшем волчью пляску!

– Не спешите! – брат Джауфре взмахнул крестом. – Не время для плясок! Дети мои, взгляните на того, кого вы считаете зверем!

Окситанец взял за руку стоявшего рядом с ним горожанина, а я, окончательно сообразив, что он задумал, коснулся его плеча. Теперь оставалось узнать, не ошибся ли я и не ошибся ли он. Несколько мгновений стояла мертвая тишина, и вдруг послышался сдавленный женский крик. Еще миг – и всеобщий вопль покрыл все вокруг:

– Оборотень! Оборотень! Святой Альбин, спаси нас! Оборотень!

Кто-то бросился назад, упал, над ним колыхнулась толпа.

– Стойте! – Брат Джауфре вновь поднял вверх крест, и люди мгновенно стихли. – Свершилось злое дело! Вы узнаете Фирмена Мори, сына досточтимого Барнабе Мори?

– Да! Да! – эхом откликнулись люди. – Фирмен Мори! Проклятый оборотень! Оборотень!

– У него на шее крест! – крикнул окситанец, и голоса недоуменно стихли. Ловчие, непонимающе глядевшие на толпу, слезли с коней и, сообразив, в чем дело, тоже взялись за руки. Через мгновенье один из них, самый молодой, закрыл глаза руками и с криком упал на мостовую.

– Мы отведем несчастного в монастырь, – продолжал брат Джауфре. – Наши братья смогут ему помочь и провести экзорцизм, дабы вернуть ему людской облик. А потом мы накажем виновных!

– Вот они! Вот они! Колдуны!

Вокруг испуганных ловчих сомкнулась живая стена, но резкий крик монаха остановил самосуд.

– Не карайте слуг! Они не ведали, что творили! Делайте так, как я велю. Пусть они сами отведут несчастного в обитель!

Толпа подчинилась. Охотники, испуганно переглядываясь, взялись за цепи. Старший – пожилой ловчий в богатом кафтане, снял шапку:

– Святой отец! Добрые люди! Не вините нас, ибо этот оборотень не только видом волк, но и вел себя по-волчьи. На наших глазах вцепился он в горло коня и разорвал руку молодому Альберту, пажу Его Светлости...

– Свершилось злое дело! – повторил брат Джауфре. – Святая Церковь накажет виновных и поможет тем, кто пострадал!

– Слава отцу Джауфре! – крикнул кто-то. – Чудо! Он совершил чудо! В монастырь! В монастырь!

– Дети мои! – воззвал окситанец, но толпа уже валила с площади, окружая ловчих, волочивших на цепи несчастного «волка». Брат Джауфре повернулся ко мне:

– Извините этих людей, брат! Как только мы придем в монастырь, я привселюдно объявлю о том, кто спас беднягу. Вы действительно совершили чудо!

Я хотел ответить, но в висках шумело, и все вокруг начало казаться чем-то нереальным, происходящим не со мной. Я не совершал чуда, это неправда!

– Отче! – наконец выговорил я. – Во имя Святого Бенедикта, никому не говорите обо мне! Пусть слава достанется Святой Церкви и вашей обители.

– Но почему? – брови окситанца удивленно взлетели вверх. – Ваш подвиг прославит Сен-Дени...

– Нет! – сознание уже работало, и я знал, что надо делать. – Никто не должен знать, что меня видели в Тулузе, брат Джауфре. Никто! Молчите обо мне во имя славы нашего ордена и... – я перевел дух, – безопасности Королевства Французского!

Глаза окситанца потемнели, он на мгновение задумался.

– Да будет так, брат мой. Но знайте – наша обитель и я, грешный, всегда готовы помочь.

Я хотел поблагодарить, но окситанец уже смешался с толпой, покидавшей площадь. Я вытер со лба холодный пот. Надо успокоиться. Еще ничего не кончилось, все только начинается...

– Отец Гильом! – Пьер спешил ко мне сквозь поредевшую толпу, сжимая в одной руке «посох», а в другой – надкушенный калач. – Отец Гильом, что тут происходит?

– Происходит, – привычно поправил я. – Ничего не происходит, брат Петр. Волка привезли, вот люди и собрались.

– А-а-а! – задумался парень. – А кричали: оборотень!

– Оборотней не бывает, – вздохнул я. – А где брат Ансельм?

– Тут! – итальянец появился, словно из-под земли, тоже с калачом в руке.

– Мир вам, братья! – Пора было перехватывать инициативу. – А с чем это у вас калачи? Не с мясом ли?

– Э-э-э-э, – в один голос протянули молодые люди. Я многозначительно кашлянул и, взяв их под локотки, отвел в сторону. Здесь народу было поменьше, и нам никто не мог помешать. Пока мы шли, калачи умудрились каким-то образом исчезнуть, оставив меня без того, что в Кодексе Юстиниана называется «корпусом улик».

– Ну, брат Петр, – начал я, сделав вид, что ничего не заметил, – видели ли вы скульптуры в храме Святого Константа? Понравились ли они вам?

– Ум-м-м... – нормандец, судорожно проглотив последние остатки «корпуса улик», быстро вытер рукавом ризы лоснящиеся губы. – Скульптуры... Они понравились... Они красивые!

– Хорошо, – кивнул я, соображая, сколько «Верую» и «Радуйся» придется прочесть парню перед сном.

– Только я их не видел! – возопил Пьер. – Я не быть... не был в соборе! Я был на...

Слово «рынок» никак не вспоминалось, и нормандец наконец выдохнул:

– Торжище!

– «И войдя в храм, начал выгонять продающих в нем и покупающих, – бесстрастно прокомментировал Ансельм, – говоря им: написано: «Дом Мой есть дом молитвы...»[21 - Мк, 19, 45–47.]

– Брат Ансельм, – предостерегающе заметил я. – Я вас предупреждал: не судите! Ибо и у вас могу спросить, понравились ли вам изваяния в храме Святого Константа?

По лицу итальянца мелькнула пренебрежительная усмешка:

– По-моему, скульптор работал исключительно зубилом. Богоматерь слева от алтаря еще ничего, а вот Святого Петра он ваял, похоже, со своего соседа-мясника. Я уже не говорю о Святом Луке в нише справа...

Я вздохнул. Брат Ансельм неисправим, но в соборе явно побывал.

– Ладно, братья, – подытожил я. – Да воздастся вам за грехи вольные и невольные, причем в ближайшее же время. Что слышали?

– Ну, это... – Пьер, видимо, окончательно успокоился. – Говорят, в Памье нечисть это... гулять. Разгуляться...

– Очень глубокое наблюдение, – согласился я. – А что еще?

– Ну, ловят этого... жинглера.

– Жонглера, брат Петр, – поправил Ансельм. – Какого-то Тино Миланца, который обокрал ризницу в соседней деревне. Только не ловят, а уже поймали. Ищут его дочку Анжелу...

– Знаю я этих жонглеров, – Пьер махнул ручищей. – Первые воры! Вот в нашу деревню пришел как-то раз один...

– Помолчи! – перебил разговарившегося нормандца Ансельм, и тот послушно умолк, не досказав своей поучительной истории.

Я уже давно заметил, что итальянец уверенно взял командный тон в разговорах с Пьером. А ведь добродушный северянин старше его лет на десять! Но в брате Петре до сих пор жив крестьянин, привыкший безропотно сносить обиды от господ. А вот брат Ансельм...

– Отец Гильом! – начал он, быстро оглянувшись, словно опасаясь неведомого соглядатая. – Арестованных из Памье в Тулузу не привозили. По слухам, монахини из Милана все еще гостят у епископа, а Жанна де Гарр...

– Первая? – уточнил я.

– Да. Она вернулась в Артигат.

– Так...

Происходящее начинало нравиться все меньше и меньше. В Памье и не думают подчиняться распоряжениям папского легата. А в самой Тулузе Его Светлость посылает монсьёру Рене странные подарки...

– Идем в Памье, – решил я. – В Тулузу вернемся после, тогда и побеседуем с графом и Его Преосвященством. Будет о чем...

– Деньги у ломбардца, – напомнил Ансельм, но я покачал головой:

– Нет. Уходим сейчас. И держим языки за зубами.

Ансельм взглянул мне в глаза и кивнул. Мы поняли друг друга – у ломбардца трех братьев из Сен-Дени могут поджидать. Наверняка могут. Должны.

– Как же так, отец Гильом? – воззвал простодушный Пьер. – Без денег?

– Будем поститься, – усмехнулся я. – Калача вам должно хватить, брат Петр, минимум на неделю. А после перейдете на репу. Она в этих краях, говорят, очень вкусная.

– Надо достать чашу для подаяний, – деловито заметил Ансельм. – Брат Петр, вы умеете петь «Воскресшего Лазаря»[22 - Песня, популярная среди нищих.]?

Нормандец окончательно сник. Я взял дорожный мешок и кивнул в сторону улицы, ведущей к городским воротам. Уже выходя с площади, мы услышали громкий голос глашатая. Жители славного города Тулузы извещались о том, что властями духовными и светскими разыскивается Анжела Миланка, дочь жонглера Тино Миланца, обокравшая церковь Святого Фомы. За поимку означенной Анжелы полагалась награда в десять полновесных солидов с необрезанными краями, а также полное прощение грехов...

3

От Тулузы дорога вела на юг, вдоль берегов красавицы Гаронны до Бычьей Переправы, находившейся возле того места, где в Гаронну впадает Леза. Дальше начинались невысокие горы, за которыми и спрятался городишко Памье. Заблудиться сложно, но зато дороги, и без того разбитые, становились все хуже, чтобы у подножия гор исчезнуть, превратившись в тропинки, по которым с трудом мог пробраться мул с поклажей. Конечно, и тут можно путешествовать «стой-телегой», но я решил не рисковать. Лишний день в пути – не беда. Хуже, если остановишь не ту повозку. Наверное, бедолага Фирмен Мори пропал именно в этих местах...

Про то, что случилось на площади, я не стал рассказывать. Делать этого не стоило: брат Петр того и гляди испугается и пожалеет, что не купил предложенный ему талисман с лягушачьими лапками, а брат Ансельм, конечно,

попросит пояснений. С этим было туго. Конечно, помрачить разум жителей славного города Тулузы возможно, но, выходит, монах из Сен-Дени оказался недоступным для колдовских чар? Нет, ерунда! Не праведнее же я брата Джауфре! Но все же я увидел, а он – нет...

Оставалось уповать на то, что братья из обители Святого Креста разберутся в этом деле без меня, и думать о ближайшем будущем. В Памье нам не будут рады. Более того, кое-кто вовсе не огорчится, если трое братьев-бенедиктинцев так и не доберутся туда...

У переправы скопились полдюжины повозок, возле которых разлеглись на траве крестьяне-возчики. Кое-кто уже дремал, остальные лениво переговаривались, поругивая паромщика, который отсутствовал уже третий час. Похоже, в этих местах никуда не спешили.

Ждать не хотелось, но и возмущаться не стоило. Я велел расположиться в сторонке и выдал каждому из братьев по ржаному сухарю, посоветовав запить водой из Гаронны. Брат Петр, тяжело вздохнув, принялся грызть сухарь, Ансельм усмехнулся и сунул его обратно в мешок. Я предостерегающе кашлянул:

– Брат Ансельм, прошу вас, отриньте гордыню!

– Вы имеете в виду сухарь, отец Гильом? – поинтересовался тот.

– Именно. Монах, как известно, обязан умерщвлять свою грешную плоть...

Ансельм ухмыльнулся самым наглым образом, и я решил заняться им всерьез:

– Брат мой, извлеките из вашей сумы труд Гонория Августодунского.

– Нет! – Парень побледнел. – Отец Гильом, только не это!

– Повинуйтесь, брат мой!

Ансельм судорожно вздохнул и подчинился. Брат Петр, решив, что его на этот раз миновала чаша сия, довольно ухмыльнулся и с хрустом разгрыз сухарь, но я поспешил вывести его из приятного заблуждения:

– Заканчивайте трапезу, брат Петр, и присоединяйтесь к нам... Итак, брат Ансельм, посмотрим, как вы усвоили четвертую главу этого достославного труда.

Ансельм затравленно взглянул на меня и зашуршал страницами. Я ждал.

– А теперь поясните, в каком обличье ангелы являются людям?

Послышался смешок Пьера, который явно недооценил ситуацию. Я немедленно повернулся:

– Вы желаете ответить, брат Петр? Прошу вас.

Бедняга застыл с открытым ртом, затем покорно вздохнул и начал:

– Они... которые ангелы суть... являются людям в человеческое обличье...

– В человеческом обличье, – мягко поправил я. – А почему, брат Ансельм?

– Потому что так написал этот придурок Гонорий! – не выдержал тот. – На самом деле...

– Не тщитесь показать свою ученость, – вздохнул я, – ибо сказано: «блаженны нищие духом».

– И ничего не сказано! – Ансельм возбужденно вскочил и махнул рукой. – И вы туда же, отец Гильом! Вы же прекрасно знаете, что в Евангелии от Матфея это место неверно переведено из-за того, что Святой Иероним не удосужился как следует изучить койне[23 - Разговорный вариант греческого языка.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Ланг д'уи» – (язык «да») – наречие, на котором говорили в Северной Франции. Южнее Луары господствовал «ланг д'ок».

2

Окситания – средневековое название Южной Франции.

3

Титул Папы Римского.

4

Фамилию «Орсини» можно перевести как «Медведев».

5

Вальденсы – антицерковная ересь XII–XIII вв. Катары – тайная секта, исповедовавшая дуалистичность мира. Разгромлена в первой половине XIII в.

6

Мф 2, 6.

7

«Per Vasso» – грубое итальянское ругательство.

8

Из пародийной «Всепянейшей литургии».

9

Петр Ломбардский – богослов XII века. Его книга «Сентенции» способствовала усилению «охоты на ведьм».

10

Полуунициал – шрифт, употреблявшийся в эпоху Римской империи и раннего Средневековья.

11

Кутюм – закон, точнее, раздел (параграф) закона.

12

Легисты – юристы, знатоки законов.

13

Канон (постановление) «Епископы» осуждал веру в нечистую силу. Вера в нечисть признавалась обычным суеверием. Преследование ведьм запрещалось.

14

Логры – легендарный народ, живший в Камелоте, где правил король Артур.

15

«Обвинение» – «Inquisitio» (лат.). Иные значения – «следствие», «разыскание».

16

Король Людовик Толстый был в ссоре со своей невесткой Аленорой Аквитанской.

17

Интердикт - отлучение от Церкви.

18

Земля серов - Китай.

19

Король Лотарь - внук Карла Великого, правил в IX веке.

20

В дальнейшем - одно из правил иезуитов.

21

Мк, 19, 45-47.

22

Песня, популярная среди нищих.

23

Разговорный вариант греческого языка.

Купить: https://tellnovel.com/ru/valentinov_andrey/overnskiy-klirik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)